

ОБ АВТОРЕ

Попов Владимир Александрович родился 11 июня 1924 года в городе Весьегонске Калининской области.

С 1942 года в действующей армии. Командир взвода автоматчиков 786-го стрелкового полка 155-й Сталинской Краснознаменной дивизии (бывшей 4-ой Московской Коммунистической дивизии).

В 1943 году участвовал в битве на Курской дуге. Освободил города Белгород, Грайворон и Ахтырку.

В 1944 году после тяжелого ранения был демобилизован из армии.

В 1950 году окончил Московский авиационный технологический институт им. К.Э. Циолковского. После окончания института работал в Научно-исследовательском центре электронной вычислительной техники, где занимался разработкой бортовых вычислительных машин для ракетной и космической техники.

С 1978 по 1985 гг. работал в Государственном комитете по науке и технике.

С 1985 по 1991 гг. — в бюро Совета Министров СССР по машиностроению.

Имеет Правительственные награды. Кандидат технических наук. В настоящее время пенсионер.

*Убит я не был на войне,
Хотя ходил со смертью рядом.
Но в списки скорбные попал,
Когда полковник седовласый
Приказ о смерти подписал*
В. Попов

НА КОМАНДНОМ ПУНКТЕ РОКОССОВСКОГО

Читая книгу маршала К.К. Рокоссовского «Солдатский долг», я встретился с эпизодом, который имел отношение непосредственно ко мне. Он пишет: «В ночь на 6 июля я доложил Ставке обстановку. Верховный Главнокомандующий тут же сообщил, что для усиления фронта из его резерва передается 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко. Это сообщение сильно нас обрадовало. Для встречи армии были высланы офицеры связи штаба...»

Сразу вспомнилось раннее солнечное утро 6 июля 1943 года, когда наш второй батальон 786-го стрелкового полка вошел в небольшой поселок Свобода Курской области. Сначала воспоминания были отрывочными и беспорядочными, но постепенно они выстроились в один ряд, и в сознании отчетливо всплыли все необычные события того одного дня войны.

Прежде чем рассказать подробнее об этом, мне следует начать с времени предшествующего, события которого в какой-то степени способствовали созданию обстановки, сложившейся в поселке Свобода...

БАТАЛЬОН ПОКИДАЕТ СТЕПНОЙ ФРОНТ

После прибытия в начале мая 1943 года на новые рубежи Курской дуги в Ливенский район Орловской области 155-я стрелковая дивизия гвардии полковника И.В. Капрова вошла в состав 27-й армии генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко, Степного военного округа, переименованного позже в Степной фронт. Штабы и службы 155-й сд сосредоточились в деревнях Золотухино, Успенское, Пушкино, а части и подразделения по окрестным деревням. Штаб 786-го сп разместился в деревне Малиново, в нескольких километрах от нее в глубоком овраге вырыли землянки под жилье и батальона полка.

Наша дивизия была сформирована в октябре 1941 года из истребительных батальонов Москвы, когда Родина находилась в величайшей опасности, и получила наименование «4-я Московская Коммунистическая дивизия».

В январе 1942 года в дивизии произошли перемены: она вошла в состав регулярных частей Красной Армии и получила новое наименование — 155-я стрелковая дивизия. Командиром дивизии назначили гвардии полковника И.В. Капрова из легендарной Панфиловской дивизии.

В битве за Москву полк Капрова занимал оборону на линии: деревня Петелкино — разъезд Дубосеково, — самом угрожаемом направлении на всем сорокакилометровом фронте, обороняемом дивизией генерала Панфилова.

Оценивая обстановку, сложившуюся для Москвы в тревожные ноябрьские дни, командарм 16-й генерал К.К. Рокоссовский пришел к выводу, что наиболее тяжелое положение на участке у полка Капрова.

Он позвонил Панфилову и приказал:

— Задержать немцев на Волоколамском шоссе во что бы то ни стало!

Полк в ожесточенных боях сдержал натиск фашистов. У разъезда Дубосеково в неравном бою погибли 23 гвардейцев-панфиловцев из второго батальона полка Капрова. Командовать 155-й дивизией пришел хорошо подготовленный в военном отношении и получивший боевую закалку мужественный командир.

Размеренно потекли армейские будни, заполненные с раннего утра до позднего вечера учебой и строгими пахотами оборонительных рубежей. Привычной стала и окру-

жающая панорама орловской земли с просторами северных степей, глубоких, причудливой формы оврагов, заросших разнообразной растительностью и полноводными в весеннюю пору ручьями.

В теплые весенние дни под прямыми солнечными лучами подыхали напоенные влагой поля Орловщины и соседней с ней Курщины. Нахотные земли радовали глаз изумрудной зеленью оврагов, стремительно идущих в рост в струистых кюветах и нагорьях еще не просохшей земли. Печально темнели островки с желтой ветошью неубранного прошлогоднего урожая.

В те дни наши войска на Курской дуге получали тысячи вагонов, друженых всем, что нужно для наступления и обороны. Плотнениво поступало и пополнение в батальон людьми, оружием. К концу июня практически закончилось формирование батальона, и он подготовился к выполнению боевых задач.

Наступил июль, днем во всю палило солнце, в садах наливались соком летние сорта яблок, бурела вишня, оттягивая тонкие ветки с плодами к земле, зрели хлеба в полях, и приближалась пора главной сельской страды — уборка урожая, многотрудная жатва.

Утром 2 июля командующие фронтами получили директиву из Ставки: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период с 3—6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений.

Войскам и авиации быть в готовности к отражению возможного удара противника...»

В этот же день прошел смотр боевой подготовки дивизии. К нему готовились тщательно во всех подразделениях полка. В назначенное время батальоны вышли на исходные позиции, развернулись и вступили в полосу наступления. Вверх взлетела зеленая ракета и, описав в небе дугу, погасла. Артиллеристы открыли огонь, следом забили и минометы. Стрелковые цепи шли в наступление за огневым валом.

В небе слышался рокот самолета У-2, кружившегося над «полем боя», за которым наблюдал командующий армией генерал Трофименко. Пусть это был учебный бой без настоящего противника, но с боевыми патронами, минами и снарядами, с настоящими полосами траншей, с настоящим

окапыванием, настоящей обкаткой танками, настоящей связью и управлением.

На следующий день 3 июля полку вручали знамя. Уставом предусмотрено знамя полка — символ бессмертия. Есть знамя — есть и полк. Ну, а если люди полегли в бою, все равно полк существует. Людей пришлют новых, пришлют оружие и патроны к ним, и полк займет свое место снова в дивизии, а, утерев знамя, полк прекращает свое существование.

Представители подразделения полка, построенные на поляне, вблизи деревни Малиново Ливенского района Орловской области, застыли в шеренгах, ожидая торжественного момента вручения знамени полка.

Под звуки марша дивизии вынесли знамя. Торжественно звучат слова члена Военного Совета 27-й армии генерал-майора И.В. Шевченко:

— От имени Президиума Верховного Совета СССР вручаю боевое Красное знамя. Храните его, как святыню. Уверен, что вы высоко пронесете свое знамя через все испытания войны.

Генерал Шевченко передает знамя Командиру 336-го стрелкового полка подполковнику П.В. Казарину. Он принял его, встал на колени, троекратно поцеловал уголок алого полотнища и обратился к шеренгам:

— Славные мои воины! Немало крови лучших сынов нашей части пролито за это алое знамя, но бесконечно больше своей черной крови пролили немецко-фашистские разбойники. Путь наш тяжелый, с боями прошли мы его достойно, освободив много сел и городов.

Так поклянемся же, товарищи, что мы будем и впредь самоотверженно выполнять свой долг перед Родиной!

— Под знамя на колени! — раздается команда, и все воины полка, как один, склоняются перед символом воинской славы и доблести. Они повторяют за командиром полка слова клятвы.

— Клянемся! Не жалея крови и самой жизни, до полной победы над врагом, мы будем истреблять оккупантов до полного изгнания с нашей родной земли!

Командир еще раз поцеловал угол знамени, оформленного золотой бахромой, встал с колена, за ним поднимались все воины полка.

Он передал знамя знаменосцу. Под звуки духового оркестра знаменосец с ассистентами и взводом сопровождения пронесет знамя вдоль шеренги полка. Воины с гордостью встре-

чают свою святыню, на которой горят золотом слова: «За нашу советскую Родину».

После вручения знамени во всех ротах прошли митинги, посвященные торжественному событию. С наступлением сумерек на полкише у кромки оврага показали фильм.

Это был последний день нашего мирного существования в составе Степного фронта, подготовки к предстоящим боям на Курской дуге.

Ранним утром 4 июля на командный пункт 27-й армии поступил приказ Ставки ВГК: «Армия переходит в подчинение командования Центрального фронта и должна занять оборону 9 июля в районе Курска».

Трофименко приказал с целью рекогносцировки направить группу из состава оперативных и разведывательных отделов в район нового расположения армии. Кроме того, для рекогносцировки местности и дорог выдвинуть от частей ряд стрелковых батальонов к новым местам дислокации в районе Курска.

Капитана В.И. Зобачева, командира второго батальона 786-го стрелкового полка срочно вызвали в штаб полка. После возвращения, он сразу же собрал командный состав батальона и сообщил о приказе Ставки. Батальон по боевой тревоге сегодня должен был выступить маршем в направлении к Курску.

Во второй половине дня роты приступили к подготовке на длительный марш. На повозки укладывали ротное имущество, проверялась подгонка снаряжения, раздавался дополнительный запас патронов к автоматам, который бойцы складывали в вещмешки, выгребали все свое нехитрое имущество из землянок, прощаясь с ними: они верно служили им все последнее время пребывания на земле орловской.

Построившись в ротные колонны, ждали приказа о начале движения.

— Батальон! Ра-авняйся! Смир-рно! Ша-агом марш! — раздался громкий голос комбата Зобачева над притихшей колонной.

Батальон выходит на проселок, навсегда покидая обжитые землянки в обрывистом склоне оврага, нашего дома, называемого Степным фронтом. Время, проведенное в нем, когда тихо, пули не свистят над головой, не рвутся снаряды и можно ходить в полный рост по земле, не пригибаясь, было не самым легким. Оно до краев заполнялось тяжким солдатским трудом:

рытьем окопов, ходов сообщения, строительством блиндажей, непрерывной боевой учебой.

Вдоль дороги раскинулись поля и рощи. В отдаленном вид неуютно соломенные крыши покосившихся на пути небольших деревушек, прячущихся в густой зелени садов, в теплом прозрачном воздухе чувствуется запах клевера, гречихи и спелых трав, солнце, постепенно опускаясь к горизонту, ласково греет солдатские спины.

Здесь, в стороне от больших дорог и крупных населенных пунктов, среди зреющих хлебов и зелени травостоя совершенно не ощущается горячее дыхание фронта, а он недалеко, в нескольких десятках километров, где приготовились к прыжку стальные «тигры» и «пантеры» 9-й армии генерал-полковника Моделя, командующего 9-й армией. Она должна была решить главную задачу наступления — прорвать оборону русских, выйти к Курску и замкнуть кольцо окружения наших войск.

Ночной марш. Темень кругом. Небо заволочили густые облака, предвещающая скорый дождь, но нам повезло — он прошел стороной и не пришлось солдатам месить грязь по бездорожью. Пахнет степными травами, нагретой солнцем за день землей, пылью, которую поднимают сотни шагающих солдатских ботинок, копыта лошадей, колеса повозок, пушек, полевых кухонь.

— Привал! — Давно ожидаемая команда разносится по растянувшейся колонне, бросает усталых людей на подсыхшую степную траву. Они быстро сбрасывают с себя лишние вещмешки, снимают оружие, закуривают, приглатывают самокруток в ладонях, время отдыха летит быстро, и снова команда поднимает их на ноги:

— Кончай перекур! Становись!

Вновь начинается медленное движение, впереди стрелковые роты, следом пулеметчики со стволами и станками пулеметов на плевах. За ними, горбясь под тяжестью стволов и опорных плит, тяжело ступают ротные минометчики. В батальоне несколько повозок, загруженных до предела ротным имуществом, и нет на них места пулеметам и минометам.

За стрелковыми ротами двигаются упряжки с пушками-сококапятками. Ездовые время от времени помахивают вожжами, подбадривая лениво бредущих лошадей. Замыкает колонну колесница с трубой — батальонная кухня. И самым последним

шагает один из старшин батальона, в задачу которого входит следить за отстающими и передавать о них сведения по колонне в соответствующее подразделение для принятия мер.

Молча шагает батальон. С каждым шагом все больше наливаются усталостью ноги. Коротка летняя ночь, но признаков рассвета пока еще нет. В небе рождается тревожный звук, протяжный, нарастающий... Самолет? Несомненно! Но чей?

Звук летящего самолета становится все более отчетливым, прерывистый гул его мотора нельзя спутать с ровным, спокойным гулом нашего.

Грекает команда: «Воздух!» — разбрасывает людей вдоль дорожки. Они лежат, глядя на медленно снижающиеся белые огни. Это «САБ-6» — светящиеся авиабомбы сброшенные немецким самолетом-разведчиком. Бомбы снабжены парашютом, поэтому спускаются медленно, позволяя увидеть, что делается на земле. Светят они долго, освещая большую поверхность в поисках интересных объектов для разведки.

Немцы перед наступлением тщательно следят за прифронтовыми дорогами, сбрасывая светящиеся бомбы в определенных местах. Свет гаснет. Над нами смыкается ночная тьма — теперь она кажется еще более непроницаемой для глаз.

— Становись! — команда поднимает бойцов, загоняет их в строй.

Фронт близко. Иногда он напоминает о себе перестуком коротких пулеметных очередей, которые как бы говорят: «Нет, нет, мы не спим». Неторопливый пулеметный разговор велся в разных местах: вблизи нас четкий и звонкий; подалее — заглушенный расстоянием. Затем и вовсе пропал, когда дорога уводила нас от передовой в тыл, и снова наступала тишина.

Над широкими просторами орловских и курских полей вставало солнце, в светлых лиственных рощах щебетали ранние птицы, радуясь рождению нового дня. Его лучи скользили по макушкам деревьев, медленно, но настойчиво сползая вниз к земле, чтобы согреть ее после ночной прохлады. Вспыхивали яркими бликами на траве мелкие капли росы. Казалось, это утро 5 июля 1943 года ничем не отличалось от предшествующих теплых летних дней.

Прива-ал! — пронеслось по растянувшейся колонне. — Сойти с проселка в укрытие!

О том, что этим чудесным солнечным утром пятого июля сорок третьего года началась Курская битва, и где-то совсем

близко уже идут ожесточенные бои, никто из нас тогда не знал. Ударные группировки немецко-фашистских войск с севера фельдмаршала фон Кюлога и юга фельдмаршала фон Манштейна устремились к Курску, куда лежал наш путь, пытались взять его в кленцы, а наши армии окружить и уничтожить.

Местом привала батальона была небольшая роща, вдали от которой белели хатки какой-то деревушки. В ней мы запасались водой из колодцев. А вечером опять обычная команда «Становись!» заставляет строиться в колонны и готовиться к движению.

На следующую ночь, в самом ее конце, произошло небольшое происшествие: Послышался шум подъехавшей автомашины, и по колонне прошло сообщение: «Капитана Зобачева в голову колонны!» Вдоль нее быстрым шагом прошел комбат к «виллису», где его поджидал офицер из штаба фронта. Подсвечивая фонариком, они уточнили маршрут на карте, и «виллис», съехав с обочины, пропал в темноте.

КОМАНДУЮЩИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫМ ФРОНТОМ РОКОССОВСКИЙ

Рассвет нового дня 6 июля неторопливо разгорался над степными еще полями, разгоняя с них дымку утреннего тумана, когда батальон подошел к большому поселку и расположился на его окраине. Приказав командирам рот расчлнить бойцов на отдых, капитан Зобачев в сопровождении начальника штаба старшего лейтенанта Пыхтина и замполита капитана Колесникова пошли к ближним хатам, в одной из которых они решили разместить КП батальона.

Мы с Игорем — командиром второго взвода — надели непрямотую лужайку в конце улицы и, ослабив поясные ремни, расположились на ней. Молча лежали на прохладной траве, блаженно подставив лица теплым лучам утреннего солнца. В далеком, голубом прозрачном небе перед нашими глазами неподвижно висели белоснежные облака.

Как хорошо было так лежать, давая отдых усталому телу и натруженным в походе ногам. Для пехотинца ноги едва ли не самая важная часть его тела, которой более всего достается в нелегкой армейской жизни. Я сорвал цветочек клевера, пожевал, выплюнул и посмотрел вдоль улицы. Она выглядела

очень привлекательно своей деревенской простотой: на кольях плетней сушились глиняные горшки, стайки пестрых кур во главе с рыжеватыми петухами деловито занимались поисками чего-нибудь съедобного, из труб хат вился легкий дымок...

Саманные бочие хатки в два окна с соломенными крышами, по мере удаления от околицы, сменялись более добротными постройками, крытыми черепицей, и заканчивались перед высокой кирпичной стеной, посеревшей от времени. Дома, как и люди, уставшие за день от духоты и сутолоки, успели отдохнуть в тишине прохладной ночи, но все еще продолжали дремать, дожидаясь пробуждения хозяев.

Нам редко приходилось бывать в населенных пунктах, находившихся, как правило, в естественных природных условиях, поэтому захотелось, несмотря на усталость, посмотреть поселок.

Подъем, Игорь! Пошли, посмотрим поселок, — окликнул Игору.

— Согласен. Только сначала ополоснемся у колодца, — ответил он.

Мы направились к стоящему недалеко колодцу-журавлю, длиннее птице с ведром и противовесом на другом конце. Навстречу шла молодая чернобровая женщина с полными ведрами воды на коромысле, с улыбкой поздоровалась с нами:

— Доброго утра вам, командиры! Полные ведра счастливый день вам обещают в нашем местечке.

— Здравствуйте! Как поселок-то называется?

— Местечко Свобода. И речка у нас есть — Тускарь, небольшая и тихая.

— А до Курска далеко ли?

— Да километров тридцать будет.

— Что там за стена кирпичная виднеется?

— Стена эта монастырского сада. — И улыбнувшись нам еще раз на прощание, она пошла к дому.

У колодца разделись до пояса, нагнувшись над дышащим прохладой земных недр срубом, я увидел далеко внизу квадратное зеркальце воды. Сняв с гвоздя деревянную бадью, запустил ее в колодец и поднял полную воды. Вода была такая студеной, что ломила зубы. Напившись и умывшись, мы наполнили фляжки, привели в порядок пыльное обмундирование,

помыли посеревшие от дорожной пыли сапоги и, доводящие проделанным, зашагали по улице в сторону монастырской стены.

Она возвышалась над землей метра на три-четыре, а над ней красовались верхушки яблонь, на ветвях которых виднелись манящие нас плоды. Дальше по улице я заметил ворота с калиткой, через нее можно было бы проникнуть в сад, но, по всей вероятности, они могли быть заперты или находиться под охраной. А нас такой вариант не устраивал.

Сглотнув слюну, перешли на противоположную сторону и уселись около плетня, за которым зеленела ботва картофеля. В конце поля стоял дом, прикрытый зеленым окружавшего его сада, видна была только крыша, крытая красной черепицей.

Я курил, неторопливо затягиваясь дымком папиросы, а Игорь растирал в ладонях стебелек полыни и глубоко, с наслаждением, вдыхал ее горький запах. С силой вспыхнуло желание чего-нибудь пожевать, и мысль о яблоках заставила меня подняться на ноги.

— Эх, Игорь, — вздохнул я, выплюнув папиросу, — схожу все же в сад, нарву яблок, пожую немного до завтрака.

— Стену тебе не одолеть. Вон там тоже сад, может, туда лучше попасться? — показал он на крышу дома.

— Там жилой дом, хозяева увидят. А этот сад, по видимому, бесхозный, — ответил я. — Покарауль пока мой автомат.

Стряхнув с брюк сор, пересек улицу и не стесняя пошел вдоль стены, пока не наткнулся на небольшой пролом в ней, проделанный разорвавшейся вблизи авиабомбой. Протиснувшись через него в сад, остановился перед первой яблоней с краснеющими плодами. Окинув взглядом это величественное, сорвал яблоко и с удовольствием надкусил его.

В таком положении, с открытым ртом, я внезапно застыл на месте. И неудивительно ожидать иной реакции, когда тебе под лопатку неожиданно втыкают ствол автомата.

— Стоять! слышалась из-за спины грозная команда, сопровождаемая негромким свистом.

Послушно выполняя команду, я подумал: Влип в историю. Чтобы все это могло значить?

Буквально через пару минут, передо мною возник младший лейтенант в новеньком комсоставском обмундировании, в добротных начищенных сапогах, на плечах его красовались травяного «полевого» цвета погоны с одним просветом и

звездочкой. Погоны, хотя и суконные, но лежат еще ровно, не примяты, как у фронтовиков-окопников, которым частенько приходится спать в обмундировании. На правом боку ТТ в кобуре темного цвета, на левом — полевая сумка на ремешке, перекинутом через правое плечо, на голове полевая фуражка, слегка сдвинутая на бок. На его лице, румяном, с легким загаром и пушиком на месте усов — напряженное внимание.

Я тоже с большим интересом осмотрел его с головы до ног, да и сейчас мне не приходилось видеть таких чистеньких лейтенантов.

Кто такой? Документы! — отрывисто бросил он мне вопрос. Между тем его черные живые глаза из-под темных бровей с любопытством рассматривали стоящего перед ним младшего лейтенанта, появившегося в запретном, как в последствии узнали, месте.

Взав документа и ознакомившись с ними, возвращая их мне, спросил:

— Какая армия?

— 27-я, — последовал мой ответ.

Младший лейтенант удовлетворенно кивнул головой и приказал:

— Следуй за мной.

Перекинувшись несколькими словами с автоматчиком, охранявшим пролом в стене, он решительно двинулся в гущу сада, а я послушно направился за ним, пытаясь с ходу завязать разговор и выяснить детали моего пленения, но младший лейтенант на мои слова совершенно не реагировал. Однако одно то, что он шел впереди, а не сзади, меня несколько успокоило — значит, не совсем уж и плохи мои дела после ареста. Вскоре в зелени деревьев показался про свет, и мы вышли на дорожку, ведущую к воротам из монастырского сада.

В этот момент калитка приоткрылась, и через нее в сад вошли трое военных, по внешнему виду генералов, направившихся в нашу сторону. При виде их, мы остановились и приготовились к отдаванию чести.

Подойдя к нам, двум непохожим между собой по внешнему виду, младшим лейтенантам, генералы невольно остановились и внимательно посмотрели на нас, особенно обратив внимание на меня — пехотного командира, в выгоревшей до белизны, неоднократно стираной гимнастерке, с помятыми погонами, в

кирзовых сапогах со сбитыми от длительной ходьбы каблучками и побуревшим от загара лицом.

— А вы кто? — спросил меня высокий генерал, по-видимому, самый главный из них, так как на его погонах было больше всего звездочек, а на груди блестяли на солнце ордена Ленина и Красного знамени.

(В голове генерала промелькнула мысль: «Неужели армия Трофименко уже на подходе? Так быстро? Ведь после разговора со Сталиным прошло всего несколько часов, хотя он и предупредил, что ранее уже отдал распоряжение на выдвижение».)

Мне с генералом, после встречи с командующим Степным военным округом Рейтером, пришлось в жизни разговаривать всего лишь второй раз, во рту почему-то внезапно пересохло, стало не по себе. С трудом пересилив волнение и овладев собой, стараясь говорить четко, доложил:

— Товарищ генерал, я командир взвода автоматчиков шестой роты, второго батальона, семьсот восемьдесят шестого стрелкового полка, младший лейтенант Попов.

— Армия какая?

— Товарищ генерал, 27-я!

— А кто командир дивизии?

— Гвардии полковник Капров, товарищ генерал!

Лицо генерала оживилось, в его светло-голубых глазах появился нескрываемый интерес.

(«Старый знакомый полковник Капров, — подумал генерал, — вместе воевали под Москвой и вот новая встреча на Курских рубежах». В памяти генерала всплыли воспоминания о смелых действиях в московской битве дивизии генерала Панфилова и полка полковника Капова, перекрывшего немцам путь к Москве на самом танкоопасном участке фронта его 16-й армии — Волоколамском шоссе.)

— Значит, ваш батальон из дивизии Капова, и вы уже подошли к поселку?

— Так точно, из дивизии Капова, товарищ генерал!

— Хорошо! Подходите к КП ждите вызова, а еще с вами переговоры.

Генералы пошли дальше по направлению к овражку, в котором находилось КП Центрального фронта, а мы, немного выждав, последовали за ними дожидаться вызова.

Блиндаж находился в конце сада вблизи крутого откоса, внизу которого простирался луг с текущей по нему речкой

Тускарь, окаймленной по берегам зеленью кустов и деревьев. Здесь стена, идущая по всему периметру монастыря, отсутствовала, так как сам откос представлял собой превосходную защиту от непрошенных гостей.

Мы с младшим лейтенантом молча стояли у кромки откоса холма, перед нами лежала исконно русская земля — Курщина, с просторами нашей обширной Родины, прекрасная своей неповторимой русской красотой, по которой шла жестокая и безжалостная война, уничтожающая на своем пути города и села. Молчание внезапно прерывает младший лейтенант:

Суди по сложившейся обстановке, — говорит он, с улыбкой смотри на меня, — пора нам и познакомиться. Я командир взвода охраны из штаба фронта — Петр Бойко. После окончания Омского пехотного училища направили служить сюда. О тебе мне кое-что уже известно из просмотра твоих документов, к тому же меня в штабе предупредили, что с утра в поселок войдет одно из стрелковых подразделений 27-й армии, которую передали в распоряжение нашего фронта и нужно при охране объектов учесть это обстоятельство. А вообще-то все части обычно обходят стороной наш поселок.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что мы «ровесники» по возрасту и званию. Он охотно изложил мне свою недлинную биографию, то же самое сделал и я. Только на фронте бывают такие простые и быстрые знакомства, переходящие в дружбу. Мне понравилась в нем простота обращения и уверенность в своих действиях — черта, столь необходимая для командира при принятии решений без длительных колебаний.

После процедуры знакомства Бойко перешел к нашим настоящим делам.

— Известно ли тебе с кем ты говорил? — спросил он меня.

— Конечно, нет, откуда мне знать, — последовал ответ.

Бойко, снисходительно посмотрев на меня, сказал:

— Так вот, слушай и запоминай. Во-первых, об этой встрече и обо всем, что ты здесь увидишь и узнаешь, никому ни слова, здесь секретный объект — штаб Центрального фронта. Во-вторых, генерал, с которым ты разговаривал — командующий Центральным фронтом генерал армии Рокоссовский, здесь находится его командный пункт, ни одна душа об этом не должна знать. На нас он хотел посмотреть и познакомиться, что за армию ему передали из резерва Ставки. Поэтому вас и ввели в поселок. Ну, теперь обстановка прояснилась для тебя? Все ясно стало?

— Понятно. Одно только жаль, что нельзя будет похвастаться в батальоне о встрече с командующим фронтом.

— И вот еще что, обрати внимание на свой внешний вид, выправку, так как командующий не любит, когда внешность военного выглядит неряшливо, без должной выправки. Почистись, подзаправься, — добавил Бойко.

После его слов я принялся рассматривать свое неказистое обмундирование. Что и говорить — экипировка выглядела довольно убого. Появляться в ней перед командующим фронтом было, по меньшей мере, неблагоприятно. Однако выхода не было, и я ободрился словами Бойко, который, заметив мое смущение, сказал, что вид у меня настоящего фронтовика и Рокоссовского им не удивишь.

Я постарался сделать все возможное, чтобы не ударить лицом в грязь перед генералом: обтер сапоги сорванной травой от пыли, поправил пилотку на голове, потуже затянул ремень, поддев под него два пальца, разогнал складки на гимнастёрке, застегнув ее на все пуговицы...

Проделал эту операцию очень своевременно, потому что на поверхности появился дежурный — рослый манор в отличном сидевшем на нем обмундировании и позвал меня следовать за ним в блиндаж. Я спустился по дощатым ступенькам лестницы вниз в небольшое помещение, состоящее из двух комнат, внутренность которых была обшита строгаными досками и освещалась горевшими под потолком электрическими лампочками.

Слева от лестницы стояла стойка мощной радиостанции, около которой сидел радист с наушниками на голове и погонами старшего сержанта на плечах. Напротив лестницы, у стены, пригнута к стене небольшая тумбочка с телефонами дежурного офицера, на чехол, в углублении, виднелся перископ, с помощью которого можно было превосходно наблюдать всю панораму, видимую с холма.

Справа — проем двери в кабинет командующего фронтом со скромной и простой мебелью, состоящей из небольшого стола с лежащей на ней картой и нескольких стульев, занятых генералами. Рядом с местом командующего стояла тумбочка с телефонными аппаратами и папкой с бумагами. Над столом висела электрическая лампочка с металлическим абажуром, покрытым снизу белой эмалью.

Рокоссовский с кем-то говорил по телефону, а два генерала, склонившись над картой, что-то вполголоса обсуждали, делая на ней пометки цветными карандашами.

Стараясь сохранить хладнокровие перед разговором с высоким начальством, я остановился в проеме двери, ожидая момента, когда Рокоссовский кончит говорить по телефону и можно будет представиться. Увидев, что командующий положил трубку на рычаги аппарата, я доложил по всей форме.

Рокоссовский посмотрел на меня ободряюще, и на его чисто выбритом лице с преждевременными морщинками под глазами с легким припухшими веками после бессонной ночи, промелькнула улыбка.

Стойте спокойно и чувствуйте себя свободно. Удачно получилось, что я вас встретил. Вашего командира дивизии полковника Капрова помню по боям под Москвою. Бойцы и командиры полка Капрова проявили мужество и стойкость на московских рубежах и не пропустили врага к столице. Хотелось бы узнать от вас, а как подготовились капровцы к боям на Курских рубежах?

Несходящая от Рокоссовского благожелательность и простота обращения достигла цели, раскрепостила меня от внезапно навалившегося напряжения и с первых минут общения с ним подействовала ободряюще.

Он хорошо знал солдатскую душу, так как сам начинал службу в армии солдатом и понимал, как много зависит успех боя от подготовки и морального состояния рядовых бойцов и их ближайших командиров: сержантов и взводных. Поэтому он и решил переговорить и услышать от младшего лейтенанта откровенный рассказ о военной подготовке в частях 27-й армии, которую передала ему Ставка.

— Скажите, как практически у вас проходили учения, на что в основном делался упор? — задал мне первый вопрос Рокоссовский.

— После теоретических занятий отрабатывались совместные действия подразделений на всех уровнях, буквально три дня назад прошли заключительные дивизионные учения с боевыми стрельбами, артиллерией и танками.

Главный упор в учениях делался на действия в наступательном бою. Стрелковые батальоны ушли вплотную за огненным валом артиллерии до самых «вражеских окопов». Захватив их, не мешкая, продолжали наступление на вторую линию обороны «противника».

Правильно, так и надо действовать, не дать противнику опомниться после артналета, атаковать его, тогда меньше потерь будет, — заметил Рокоссовский.

— Новые немецкие тяжелые танки вы изучали самым тщательным образом? — перевел разговор на танки Рокоссовский.

— Изучали теоретически, по газетным статьям и листовкам с изображением «тигров» и «пантер», их уязвимые места, по которым надо бить гранатами. Но в натуре их видеть не приходилось.

— А обкатке танками вас подиергали?

— Было и такое. Мы занимали оборону в траншеях, а танкисты атаковали нас и «утюжили» своими «тридцатьчетверками».

— Какие же ощущения вы испытывали во время обкатки? Страшновато было?

— Еще как. Острый страх, что тебя вдавит в землю стальная махина, гремя гусеницами проползающая над головой и забивающая дыхание запахом гари и дыма токсичных газов. Верно, на второй, третий раз чувствовали себя уже более уверенно и уже успевали вслед бросить гранату.

— Значит, обкатка все же идет на пользу, помогает преодолеть страх? А на поле боя, если придется встретиться с танками противника, как будете бороться с ними?

— Танки-то новые у них, товарищ генерал, да средства борьбы с ними у нас остаются старые. На вооружении те же самые гранаты РГД. Одной гранаты для танка мало, надо столько из трех гранат готовить, неудобно в бою все это делать, нужны противотанковые гранаты — от них толку больше.

— Будут у вас и противотанковые гранаты, — заверил Рокоссовский.

Задав еще несколько вопросов, касающихся бытовых условий, он закончил разговор, сказав на прощание:

— Желаю успеха, младший лейтенант! Скоро пойдете в бой...

Немного помедлив, Рокоссовский приподнял голову, взглянул на меня и добавил: — Жить тебе, солдат!

Яркий солнечный свет в первую минуту осветил меня после выхода на поверхность из полутемного блиндажа, и только спустя некоторое время я заметил Бойко, поджидавшего меня на прежнем месте. Встретил он мое появление изумленной репликой:

— Какие могут быть в жизни крутые повороты, не прошло и часа, как ты из несчастного арестованного превратился в

удачливого человека, которому выпало счастье переговорить с самим командующим фронтом.

— Мне и самому не верится, что так здорово могло получиться, вместо того чтобы встретиться с Рокоссовским и даже поговорить в его КП.

Мы несчастливы шли по дорожке сада к выходу, не забывая набить карманы яблоками. Затем Бойко поведал мне историю построения блиндажа:

«С начала июня активизировалась немецкая авиация. Масштабному удару авиации подвергся Курск второго июня. В налете участвовало до 300 вражеских самолетов, но им полностью разрушить и вывести из строя железнодорожный узел так и не удалось. Помешали сделать это наши истребители и мощный заградительный огонь зенитчиков. Их потери достигли 150 самолетов.

Заметно активизировалась немецкая разведка. То и дело над Свободой появлялась «рама» — немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик. Делая облеты прифронтовой полосы, он внимательно обследовал населенные пункты, леса, овраги, пытаясь выявить наши войска и тыловые части.

В день бомбежки, проверив посты, я поздним вечером стоял около столовой, дожидаясь, когда начальство закончит ужин и подойдет наша очередь перекусить. Послышался отдаленный гул приближающихся самолетов и глухие разрывы авиабомб.

В столовой наступила тревожная тишина, которая была прервана разрывом авиабомбы вблизи дома. Яркая хлестнула огненная вспышка, и воздушная волна, ломая все на своем пути, ворвалась в комнаты. Посыпались осколки разбитых стекол, удушливый смрадный запах тротиловой гари и сизый дым заполнили все вокруг. К счастью, никто из присутствующих в столовой серьезно не пострадал, так как успели вовремя броситься на пол».

Мы подошли к калитке и, миновав ее, вышли на улицу. Напротив виднелось пожарище разбитого бомбой дома с полуразрушенной печкой, разбросанными обгорелыми бревнами, опаленными огнем высокими тополями, понуро стоящими без листьев.

В этом доме жил Рокоссовский, но, к счастью, в это время он находился в столовой, где так же попал под бомбежку, — сказал Бойко. — После бомбежки решили больше не рисковать и построили в монастырском саду блиндаж под КП

командующего фронтом, в котором тебе и повезло побывать, — закончил свой рассказ Бойко.

Между тем, мы подошли уже к перекрестку, где меня с нетерпением поджидал Игорь, которого беспокоило мое долгое отсутствие. Угостив его яблоками, познакомил с Бойко.

При расставании мы даже немного взгрустнули. До чего же неприятная эта обязанность — расставаться. За недолгое наше знакомство мы успели даже сдружиться. Но, что поделаешь! Последний перекур и Бойко крепко стискивает мне руку на прощание:

— Ладно! — говорит он, — пора и разбежаться, может, еще и встретимся. Бывайте, ребята, а я пошел. — Неторопливой походкой, не оборачиваясь, направился Бойко к дому с красной крышей — штабу фронта.

Мы же с Игорем направились в свой батальон. Некоторое время шли молча, хотя я чувствовал, что он с нетерпением ждет моего рассказа о долгом отсутствии. Наконец, он не выдержал и спросил:

— Давай, Володя, выкладывай, где ты пропал столько времени, что с тобой случилось в том саду?

Я понял, мне все равно не удастся отвертеться от разговора о моей длительной отлучке и, несмотря на строжайший запрет, придется ему рассказать о своих необычных похождениях в монастырском саду.

Услышав мой необычный рассказ о встрече с командующим фронтом, он подозрительно посмотрел на меня, с недоверием, но, вспомнив недавний разговор с Бойко, протекавший в том же русле, с двусмысленными фразами, непонятными только мне, убедился в достоверности моего рассказа.

— Можно сказать, здорово тебе повезло, даже не верится, приметы, как видишь, сбываются, помнишь молодуху у колодца с полными ведрами воды, пожелавшую нам счастья? восторженно произнес он, жалея, что не полез со мной за яблоками.

В батальон мы вернулись вовремя. Там стоял гул, как в потревоженном улье, слышалось позвякивание котелков, наступила главная для солдат процедура дня — атака на батальонную кухню. Повар Андрей Протасов в белом переднике с неизменным черпаком в руке уже приступил к своим обязанностям.

Расстелив на земле плащ-палатку, выложили ложки, порезали хлеба и с наслаждением навалились на жирную, гус-

тую пшеничную кашу, обильно сдобренную лярдом — топленным салом. Но вот с кашей покончено, еда запита, как всегда, жиденьким чаем, и мы, удовлетворенные проделанным за недолгие утренние часы сегодняшнего дня, заваливаемся спать...

А в это время на командном пункте Центрального фронта продолжалась напряженная работа. Неожиданно зазвонил аппарат ВЧ. Бросив на него тревожный взгляд, Рокоссовский был уверен, что предстоит разговор со Сталиным. Так оно и оказалось. Сталин говорил низким, со знакомым акцентом, голосом.

— Здравствуйте, товарищ Рокоссовский! Доложите обстановку!

Отнесясь на приветствие Сталина, Рокоссовский доложил:

На ольховатском направлении враг бросил в атаку до 250 танков и пытался любой ценой прорвать нашу оборону, но решительного успеха не достиг, ему удалось лишь потеснить наши войска на 6—8 километров. С утра 6 июля противник предпринял ряд массированных атак на станцию Поньри, но овладеть поныревским узлом сопротивления ему не удалось. Смог только выйти ко второй полосе обороны.

Рокоссовский закончил доклад и ждал дальнейших вопросов.

Сталин некоторое время молчал, что-то обдумывал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — В районе у Ватутина создалась угрожающая обстановка, поэтому предлагаю вам 27-ю армию Трофименко, не задерживая, направить на Воронежский фронт. Вы должны рассчитывать только на свои силы. — После небольшой паузы снова в трубке раздался его голос:

— Имейте в виду, положение вашего соседа тяжелое, противник, прорвав оборону, может со стороны Обояни нанести удар в тыл ваших войск. В этом случае на вас возлагается задача оборонять Курск с юга.

Рокоссовский медленно положил трубку на рычаги аппарата. Как жаль ему было расставаться с армией Трофименко, но он понимал, что Сталин принял правильное решение. Он представил себе, какая бы опасная ситуация могла сложиться для его фронта в случае прорыва противником войск Ватутина в районе Обояни и выхода их на шоссе, ведущее к Курску.

Два фронта — Центральный и Воронежский, стояли спиной к спине и отражали удары вражеских войск с севера и юга. Любая серьезный прорыв на воронежском фронте ставил под угрозу тылы Центрального фронта, таким образом, успех наступления противника, мог оказаться смертельным ударом в его спину. Такой исход мог привести к непредсказуемым последствиям и требовал от Рокоссовского принятия срочных мер.

Он сообщил решение Сталина начальнику штаба Малинину, предложил ему срочно связаться со штабом Воронежского фронта, подробно узнать обстановку на обоянском направлении и в соответствии с результатами наметить ряд мер усиления обороны Курска.

ДОРОГА НА КУРСК

Наши надежды на длительный отдых в поселке не оправдались. В полдень, когда солнце стало припекать сильнее, раздалась обычная для нас команда:

— Выходи строиться! Становись!

И снова запылили по поселку солдатские ботинки, дойдя до монастырской стены, свернули направо и вскоре вышли на дорогу, ведущую к Курску, до которого добрались только к вечеру. Впереди показались очертания большого города — пертерзанного, побитого бомбежками, но все-таки прекрасного, с зелени садов и парков.

Изнемогая от жары и жажды, мы свернули к станции, чтобы на водокачке разжиться чистой водой, напиться и заполнить опустевшие фляжки. После бомбежки уцелел вид разгромленной станции с разрушенной стеной вокзала, неко реженными обломками вагонов и кусков шпал, сваявших не подалеку от восстановленных для движения путей.

Но станция продолжала жить, круглосуточно работать на нужды фронта, принимая многочисленные эшелоны, привозяющие из глубокого тыла, чтобы полностью обеспечить войска боеприпасами, продовольствием, горючим, смазочными материалами.

Немного отдохнув, батальон продолжил движение, придерживаясь окраины города, в южном направлении. Солдаты шли молча мимо разбитых и стертых стрелений, понуро рассматривая горелые и разбитые машины, побитые пулями

и осколками, лежащими на боку помятый трамвайный вагон с выбитыми стеклами, темнели свежей землей многочисленные воронки от бомб вдоль дороги. Жителей на улицах города мало, преимущественно это были женщины или пожилые люди, куда-то спешившие по своим делам.

Батальон вышел на южную окраину города к развилке дорог — прямо — на шоссе на Обоянь, о чем свидетельствовала надпись на дощечке, прибитой к столбу. Направо уходила разбитая дорога на Льгов. Слева от шоссе виднелась одноколейная железная дорога, уходящая в густые заросли роци. Здесь батальон остановился на привал, а комбат пошел выяснить, по какой дороге нам дальше топтать, так как дальнейший маршрут ему не был известен.

Вечернее солнце грело слабее, стало прохладнее, в зеленых роци рассыпался дробный свист и шелкание знаменитых курских соловьев, концерт которых на их родине — Курщине пришлось мне услышать впервые. Через несколько часов комбат выяснил дальнейший маршрут, и батальон двинулся по шоссе в сторону Обояни.

Наша 27-я армия генерала Трофименко вошла в состав Воронежского фронта и двигалась по шоссе Курск—Белгород по направлению к Обояни, где шел жестокий бой с войсками фельдмаршала Манштейна, наносившего главный удар в сторону Курска на этом направлении.

Танковые бои в районе шоссе Белгород—Курск разворачивались с невероятной быстротой и отличались наивысшей напряженностью. Сотни танков и густые цепи пехоты, поддерживаемые авиацией противника, бросились в атаку. В случае прорыва фронта вся эта армада должна была навалиться на нашу армию, идущую ей навстречу, и ей предстояло ценой огромных жертв их остановить или погибнуть...

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРАЙВОРОНА

АРМИЯ ПОЛУЧАЕТ БОЕВУЮ ЗАДАЧУ

Командующий Воронежским фронтом генерал Ватутин приказал 27-й армии 4 августа организовать на всем фронте сильную боевую разведку и готовиться в наступление главными силами. Для обеспечения прорыва неприятельской обороны 4 августа в полосу действия армии были переброшены части артиллерии РГК, ранее поддерживающие наступление 5-й и 6-й гвардейских армий.

Введенные в бой в ночь с 3 на 4 августа части 27-й армии генерала Трофименко, врезавшись клином в немецкую оборону, следуя всегда за танковыми частями, прорвали ее, развернулись и вступили в бой с гитлеровцами. Против борисовской группировки немцев начал боевые действия 23-й стрелковый корпус. В направлении на Красную Яругу наступала 155-я стрелковая дивизия.

Наступление развивалось успешно. В первый же день части продвинулись в глубь обороны врага от 8 до 20 километров.

Командный пункт 27-й армии располагался недалеко от передовой линии фронта в уютном в садах селе в просторном крестьянском доме, внешне ничем не отличающемся от других домов, разве только тем, что стоял в глубине большого фруктового сада со старыми развесистыми яблонями, ветви которых гнулись от тяжести созревающих плодов.

День клонился к вечеру, дневная жара медленно спадала, в штабном автобусе, прикрытом сверху от солнечных лучей листвой деревьев, светло и прохладно от легкого сквозняка, проникающего через открытые окна. В кожаном кресле за небольшим столом, с расстеленной на нем картой, сидел командующий 27-й армии генерал-лейтенант С. Г. Трофименко Темноволосый, крупноголовый, со строгими чертами лица, генерал производил впечатление очень сильного, хладнокровного человека. Во всей его внешности чувствовалась недюжинная воля и решительность.

Начальник штаба армии генерал-майор Лукьянченко, с густой шевелюрой светлых волос и голубыми доброжелательными глазами на худощавом лице, облокотился на стол, бросал короткие взгляды на командующего и карандашом показывал ему на оперативной карте, какие изменения про-

извел штаб в связи с получением дополнительных сведений разведки.

Зазумерил телефон Трофименко взял трубку.

— Здравствуйте, Николай Федорович,— ответил на приветствие Ватутина Трофименко. — Затем, выслушав командующего фронтом, сказал:

Все ясно, план операции подготовлен, будем ждать вас на почтительный совет.

Трофименко положил трубку и, обращаясь к начальнику, сказал:

Срочно займитесь подготовкой военного Совета армии, на котором будут присутствовать командующий фронтом Ватутин и маршал Жуков. На нем должны также участвовать командиры частей, задействованные в операции по освобождению Грайворона. Начало в 22 часа.

В назначенное время 4 августа в штабе 27-й армии собрался военный совет. Прибыл и командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин. Ждали приезда представителя Ставки маршала Г.К. Жукова, он несколько задерживался.

С улицы послышался шум приближающегося автомобиля. Трофименко быстро поднялся из-за стола и вышел на улицу. В темноте показался луч тусклого света, отбрасываемый «лягушками» — фарами для езды в условиях светомаскировки.

Вездеход марки «хорьх», семиместная машина с могучим мотором, ведущими передними и задними колесами, доставшаяся маршалу в наследство от германского посла, мягко вкатилась под маскировочную сетку. Рядом с ней пристроился «виллис» с охраной.

К «хорьху» быстро подошел дежурный офицер с красной повязкой на рукаве гимнастерки и открыл переднюю дверцу. Из машины вышел маршал Жуков со строгими чертами лица и волевым подбородком. На нем была распахнутая короткая кожаная куртка, немного сдвинутая вперед фуражка с алым околышем и лакированным козырьком, галифе с красными лампасами, черные хромовые сапоги.

Он снял фуражку, вытер платком лицо, шею, переступил с ноги на ногу, чтобы размяться. Поздоровавшись с Трофименко, Жуков решительно направился к крыльцу дома, прошел в просторные сени. На полу и стенах которых аккуратно разместились крестьянская утварь. Знакомый вид деревенской хаты напомнил ему родной неказистый домик в детстве в деревне Стрел-

ковке. Был он очень старым и одним углом крепко осел в землю, а крыша от времени и непогоды обросла мхом и травой.

Войдя в горницу, он быстрым взглядом окинул стоящих вдоль стола командиров, поприветствовал всех и предложил им сесть. Сам же по-хозяйски устроился на стуле в торце стола, неторопливо достал очки, протер стекла носовым платком и, надев их, принялся внимательно изучать оперативную карту, подготовленную в штабе армии. Карандашом прошелся по ней, затем со свойственной ему поразительной способностью моментально оценивать обстановку, сказал:

— Начнем, товарищи!

— Да, да, конечно, Георгий Константинович,— поддержал Ватутин.

— Операция «Полководец Румянцев» началась. Сегодня я получил указания из Ставки, которые касаются непосредственно и вашей армии. С целью расширения фронта прорыва к западу с утра 5 августа приказано начать наступление 27-й и 10-й армиям в общем направлении на Грайворон и Горюхино. 6-й гвардейской армии овладеть 5 августа Томаровкой, 1-й танковой и 5-й гвардейской армиям быстрыми и решительными действиями выдвинуться на линию — Грайворон, Золочев, Казачья Лопань, а Степному фронту овладеть Белгородом.

Жуков, закончив говорить, посмотрел на командиров, которые внимательно его слушали, затем продолжил:

— Раскрою вкратце замысел операции, возлагаемый на вашу армию. Наша группировка, состоящая из 27-й и 1-й танковой армии, должна представить для противника особую угрозу. Группировке предстоит острыми клинцами прорваться в расположение врага и разрывать его фронт на отдельные куски, которые должны уничтожиться.

Ставка считает проведение этой операции главным заданием для Воронежского фронта на данное время. У меня все. Теперь хочу послушать вас, как вы подготовились к первому этапу операции — освобождению Грайворона.

Жуков снял очки и, смотря на Трофименко, сказал:

— Докладывайте, Сергей Георгиевич!

От внутреннего напряжения или от того, что в доме было жарковато, у Трофименко на лбу выступили капельки пота. Встав, он вытер лоб платком и начал говорить о предстоящей операции твердым голосом убежденного в своей правоте человека.

Закончил он доклад характерным для него уверенным заявлением: «У нас есть все предпосылки на удачный исход операции, чтобы в течение суток освободить Грайворон от немецких захватчиков».

Жуков, выслушав доклад командующего армией и сделав пометки в блокноте, усталым движением расстегнул верхние пуговицы кителя, освободив ворот, и откинулся на спинку стула. Некоторое время он сидел задумавшись. Тревожная тишина замерла в комнате.

Какие последние данные у вас о противнике? — Спросил Жуков.

Противник в Грайвороне и Замостье имеет до 2 полков пехоты и около 80 танков, из них около 30 типа «тигр».

Вполне вероятно, что гарнизон города сможет пополниться за счет частей, отходящих от Белгорода. Какие меры предусмотрены вами в этом случае.

— Товарищ маршал, нами эти возможности противника предусмотрены. На Белгородское шоссе выдвигается ряд частей с задачей воспрепятствовать противнику воссоединиться с гарнизоном города.

— Вы решили атаковать ночью, — продолжал спрашивать маршал, — все же есть ли резон в таких действиях? Вам же сложно будет ориентироваться ночью в незнакомом городе и вести бой.

— Ночной бой — один из сложных видов боя, но он дает преимущество наступающим. Темнота скрывает передвижение и силы атакующих, к тому же наши маневренные и подвижные «тридцатьчетвертки» в ночном бою в условиях города будут иметь большой успех в сражении с малоподвижными «тиграми» и «пантерами», — убедительно высказал свое мнение Трофименко.

Жуков взглянул на него, сердито прищурил глаза и слегка стукнул кулаком по столу:

— Очень рискованное дело. Но риск оправданный, необходимый, естественный... Томаровку два дня штурмуют две армии, а взять не могут. Николай Федорович, прикажите, чтобы Борисовку тоже атаковали ночью, может, поможет такая тактика боя.

Слушаю, Георгий Константинович, отдам приказ на ночной штурм Борисовки. Немцы не привыкли воевать по ночам, для них это будет сюрприз.

Закончив обсуждение плана операции по взятию Грайворона и ответив на вопросы командиров, Жуков выразил удовлетворение работой штаба армии и в заключение сказал:

— Детали операции, Николай Федорович, вы обсудите со мной. Задача Ставки вашей армии поставлена. Выполняйте. Желаю успеха!

Когда Жуков сел в машину, шофер Саша Бучин в фуражке с черным околышем и погонами младшего лейтенанта уже успел включить двигатель, и он равномерно постукивал. Сзади расположились на своих местах генерал-адъютант Минюк и начальник охраны старший лейтенант Госбезопасности Бедов. «Хорьх» и «виллис» скрылись в темноте.

Вскоре из штаб-квартиры Жукова в Москву пошло донесение.

**Доклад представителя Ставки
Верховного Главнокомандования
о боевых действиях
Воронежского и Степного фронтов**

Москва, тов. Иванову
5 августа 1943 г. 4 ч.

Сегодня был с Николаевым у Трофименко и окончательно установил план действий на утро 5.8.

1. Трофименко и Москаленко действия начнут с 5.8.
2. Приказал в течение 5.8. Степину занять Белгород и начать сворачивать фронт противника, действующего против Шумилова.
3. Трофименко будет действовать в общем направлении на Грайворон, Москаленко будет действовать правее Трофименко, обеспечивая его правым флангом.

Юрьев

Документ № 15 ЦАМО СССР, ф. 203, оп. 2777, д. 39, л. 92.
Закодированные фамилии соответствовали:
Иванов — И.В. Сталин, Юрьев — Г.К. Жуков, Николаев —
Н.Ф. Валуцкий, Степин — И.С. Конев.

НОЧНОЙ ШТУРМ ГРАЙВОРОНА КАНТЕМИРОВЦАМИ

После совещания Военного совета 27-й армии, пришла в движение и заравоковала огромная армейская машина. Ее гигантский маховик раскручивался все быстрее, приводя в боевую готовность батальоны, полки, дивизии, танковые бригады.

Бригада полковника Л.И. Баукова, которой предстояло штурмовать Грайворон, в составе 1-го и 2-го танковых батальонов и приданных частей, в 24.00 4.08.43 г. сосредоточилась на северной опушке урочища Корытное, в 2 км южнее Красной Ируши.

В состав бригады входило 62 танка, из них Т-34 — 42 шт., МКЗ — 20 шт., активных штыков — 230, орудий и минометов — 14, станковых пулеметов и ДШК — 13, ПТР — 2.

Полковника Баукова срочно вызвали в штаб корпуса. В штабной комнате небольшого деревенского дома собрались все комбриги корпуса. Совещание проводил командир 4-го танкового Кантемировского гвардейского корпуса генерал П.Н. Полубояров.

Черты лица Полубоярова словно вырезаны острым резцом. В этом лице все правильно: и тонкий прямой нос, и резко очерченные губы, и широкий чистый лоб, и брови с гордым разлетом, и даже взгляд — прямой, глядящий в душу собеседника. Мужское красивое лицо.

Полубояров шагал твердо, строго и сосредоточенно глядя прямо перед собой. Около стола он остановился, из-под опущенных бровей строгим взглядом окинул собравшихся и поздоровался. Движением руки он разрешил комбригам сесть, а сам, продолжая стоять, заговорил властным голосом.

— На Военном совете армии представитель Ставки маршал Жуков передал указание Верховного Главнокомандующего с целью расширения фронта прорыва к западу с утра 5 августа начать наступление в направлении на Грайворон — Ахтырка.

Создана ударная группировка армии в составе двух стрелковых дивизий первого эшелона — 241-й и 166-й — и двух танковых бригад — 12-й и 14-й, которые должны прорвать оборону немцев на реке Лисенок. Во втором эшелоне задействована 155-я стрелковая дивизия и 13-я бригада, которые войдут в прорыв и будут штурмовать город.

Лесюнд Иванович, на вас лежит главная задача — освободить Грайворон вместе со 155-й стрелковой дивизией. Иди-

те только проселочными дорогами, — подчеркивал комкор Боев избегайте. Берите силы для штурма города. Обойдите его с северо-запада и нанесите удар здесь, — карандаш продолжал ползти по карте.

Бауков внимательно следил за ним, нанося маршрут на свою карту и делая пометки в блокноте.

— Миновав Замостье, — продолжал Полубояров, — захватите переправу через Ворсклу и переправьте танки на тот берег. После этого сможете овладеть городом.

На рассвете 6 августа впервые под гвардейским знаменем корпус пошел выполнять боевое задание. Полубояров не отходил от радики. Переключая ее, он слышал, как по бригадам, батальонам, ротам, взводам, танковым экипажам разлетелась команда:

— Вперед! В атаку!

Команда смолкла, и в тот же миг донесся рокот моторов. Нарастая и разливаясь, он начал греметь. Огромная стальная лавина ринулась на врага. К 16 часам частям удалось форсировать реку Лисенок.

Комбриг Бауков по радики вызывает комбатон. Каждый знает свою задачу: впереди пойдут два батальона — первый и второй, позади — третий. При таком построении создается глубина ударного кулака. Также в батальонах строятся и роты — ударные кулаки. В атаке, при прорыве обороны противника, создается мощный бронированный таран.

Итак, все знают свои места. Приказ комбрига краток.

— Вперед!

13 гвардейская танковая бригада вошла в прорыв в месте взлома обороны противника на высоте 154,1 и двинулась по проселочным дорогам, избегая столкновения с врагом. Но он словно ждал танкистов, цеплялся за каждый клочок земли. Солнце сползло к горизонту. Казалось, оно вот-вот провалится за горизонт, уйдет в ночную темь. Но край его еще жгил, бросая острые огненные стрелы, скользящие по земле.

Бой можно вести ночью и днем. Форсировать же реку при дневном свете — значит поставить бригаду под удар, вот почему спешат к Грайворону, не задерживаясь у поселений, где были немцы, не тратя сил и времени — они будут нужны у Замостья, где мост через реку к городу. Следом за танковой бригадой идут полки 155-й стрелковой дивизии, они и подчистят противника.

Батальон майора Мороза — на направлении главного удара — должен взять переправу. Ему дали все необходимое: автоматчиков, противотанковую артиллерию. В 22.00 батальон начал штурм. Замосты после 10 минутного артналета из танковых орудий. Танки ворвались в деревню и к 23.00 полностью овладели ею. Танки взяли мост под контроль своим огнем, не давая противнику взорвать его.

На открытого люка танка с высокого правого берега реки Бауков смотрел на Грайворон. В сумерках наступающей ночи с величественности был виден прикрытый деревьями темный город, опоясанный рекой, притихший от нависшей над ним угрозы.

Все танковые экипажи бригады и мотострелковый батальон были заранее проинструктированы об особенностях боевых действий в населенных пунктах. В них боевые действия ограничиваются узким пространством — улицей. Поэтому здесь нельзя вводить крупные силы. Выдавливает врага из города следовало в самом тесном взаимодействии танков с пехотой и противотанковыми орудиями.

Обычно по одной улице вели наступление три-четыре танка с десантом пехоты на броне. Как только боевые машины врываются в селение, стрелки немедленно спешили и по обеим сторонам улицы двигались вперед, прочесывали дворы, огороды, задворки.

После непродолжительного артиллерийского обстрела штурмовая группа в составе танковой роты, взвода разведки и взвода саперов захватили мост и переправились на другой берег. Было 23 часа 30 минут. Противник начал отступать в город.

Противник, стараясь помешать переправе бригады через мост, сосредоточил в соседних улицах пехоту и танки, которые перешли в контратаку.

— Изготовиться к артналету. Танкам выпустить по десять снарядов, артиллерийскому дивизиону — половину боекомплекта, — отдает приказание Бауков.

В темный силуэт города врезаются огненные вспышки снарядов. Далекое зарево быстро расплывается по небосводу. Пошли главные силы бригады: первый и второй танковые батальоны, мотострелковый батальон гвардии старшего лейтенанта Шаршанова, артиллерийский дивизион.

В один час ночи, отбив контратаку противника, главные силы бригады начали штурм позиций противника, расположенных на улицах, примыкающих к фронту.

Бауков, высунувшись по пояс из башни, продолжал наблюдать за форсированием реки танкистами и их действиями на берегу. Осторожно спустившись с моста, широкогрудые приземистые «тридцатьчетверки», набирая обороты, тяжело ревели моторами и стремительно неслись на врага. В свете изредка включаемых фар металась длинные уродливые тени, и ночь от этого казалась еще чернее и гуще.

Танки смело врываются в улицы города, им трудно, приходится биться за каждый дом. В каждом подъезде или пустой глазнице окна, за каждым углом дома, в нагромождениях развалин может затаиться гитлеровец с противотанковой гранатой. Вдали гремят взрывы, к нему выдымаются огромные огненные факелы — горят склады с боеприпасами, горят танки, машины...

Первому танковому батальону капитана Мороза поставлена задача — выйти в южную часть города. На встречу им ползли фашистские «тигры». Они вели встречный огонь из пушек и пулеметов. Нашим танкистам знакомы повадки этих неуклюжих вражеских машин, и они быстро меняют тактику, стараясь через сады и огороды выйти наперерез «тиграм» к их менее защищенным хортам.

Вот уже один «тигр» захромал и остановился с оборванной гусеницей. У второго от метких выстрелов наших танкистов сорвало башню, листы брони кусками падали к разбитым гусеницам. Третий танк заметался на месте и замер, охваченный дымом и пламенем. Вблизи от него горел и наш танк. Из машины торопливо выпрыгивают танкисты, на ходу сбивают с себя пламя, скрываются в огородах.

А бой кипит, вражеский снаряд ударил в башню нашего танка. Сноп искр веером разлетелся в стороны. Но крепкая уральская сталь выдержала.

Рота Таршикова, выйдя к юго-западной окраине города, пыталась взять под контроль дорогу на Большую Писаревку, тем самым лишить возможности немцев отступать на Актырку. Но это ей не удалось сделать. Сильный огонь противотанковых пушек противника отбивал все атаки наших танкистов.

Грозно грохочет ночной бой. Ночью «тридцатьчетверки» чувствуют себя увереннее и идут на «тигров» смелее. Шли танк на танк, орудие на орудие, солдат на солдата. Кругом гремело, пылало, стонала земля от взрывов, стало светло от

зарева пожаров. Ночь словно раскололась на куски, густо перемешанные с пламенем и багровым дымом. Грохочущая, грозная ночь...

Посередю темное ночное небо, на востоке занималась заря нового дня. К рассвету бой стал затихать. Для дальнейших атак не хватало сил, нужно было дождаться резервов, чтобы добить врага и полностью освободить Грайворон.

Опустившись в танк, Бауков захлопнул люк, подключил плеомфон к внутреннему танкопереговорному устройству.

Остнов, на тот берег немедленно.

Визжал на небольших оборотах двигатель. Машина задрожала, дернулась резким рывком так, что комбрига отбросило назад, сползла с берега и, миновав мост, скрылась в прибрежных посадках.

Начальник штаба гвардии майор Чернис готовил отчет²:

К 7.00 8.08.43 г. части бригады, ведя тяжелые уличные бои, в течение всей ночи с 6.08 на 7.08 за Грайворон, очистили северную и южную части города. Противник удерживал за собой церковь, восточную окраину города и дорогу Головчино — Большая Писаревка...»

БАТАЛЬОН ВСТУПАЕТ В БОЙ ЗА ГРАЙВОРОН

Батальон подняли на рассвете, когда темная августовская ночь сменилась предрассветными сумерками, в которых стали просматриваться отливающие золотистым багрянцем стволы стройных, устремленных своими вершинами к светлеющему небу, сосен, узкой полоской протянувшихся вдоль дороги, идущей к Замостью.

На деревьях начали свою утреннюю возню птицы, пробуя голоса. Невдалеке дятел долбил засохшую маковку дерева. Стук его громко разносился по пробуждающемуся лесу. Небо на востоке порозовело, короткая летняя ночь сменялась новым днем — седьмым августа.

— Подъем! — весело и громко закричали дежурные. Лагерь ожил. Бойцы поднимались с земли, ежились от утренней прохлады, разминались, лениво перебрасывались репликами, встряхивали шинели и скатывали их в скатки, тщательно перематывали портянки и обмотки, стараясь потуже замотать, чтобы не было с ними мороки на марше.

Вскоре 2-й батальон 786-го полка 155-й стрелковой дивизии, построившись, стоял на лесной дороге, готовый к маршу. В этот момент из-за деревьев появился комдив полковник Капров на буланой кобылке. Худощавое лицо его со щеточкой коротко подстриженных усов было сосредоточенным и серьезным — уходило в бой первое подразделение дивизии. Он внимательно и оценивающе осмотрел колонну и, слегка склонившись к подбежавшему комбату Зобачеву, негромко сказал:

— Желаю удачи, капитан! Действуйте смелее, но и осмотрительнее при форсировании реки. Полковник улыбнулся и сразу стал проще и доступней. Затем добавил: — Обратите особое внимание на организацию боя в условиях населенного пункта, это весьма важно.

— Слушаюсь, товарищ полковник! — бодро ответил Зобачев.

— Помни, комбат, основная задача ложится на твой батальон. Командуй! Жду хороших вестей.

— Товарищ полковник, приказ будет выполнен! — козырнув, комбат быстрым шагом подошел к колонне, по которой прокатилась зычная команда:

— Бата-альон! Ра-авняйсь! Смир-рно! Ша-агом марш!

Колонна шевельнулась и сначала в ногу, а затем, перейдя на вольный шаг, двинулась по разбитой танкистами, с глубокими колеями, заполненными водой после вчерашнего дождя, лесной дороге, ведущей к Грайворону.

По дороге шли солдаты в грязных, стоптанных ботинках с туго затянутыми обмотками, в выгоревших гимнастеровках, с лицами, темными от злого летнего солнца, солдаты, которые много дней в зной, в проливные дожди шли по орловской, курской, а теперь и белгородской земле.

Лес кончился. Дорога бежит по полю. Слева от нее разлилось ярко-желтое море подсолнечника, уходящее к горизонту. Справа — тянется зеленый луг, заканчивающийся бушинами зарослями кустарника и деревьями. За ними поднимается зыбкий пар, который безжалостно уничтожается утренними солнечными лучами, набирающими силу, вероятно, там и течет река Ворскла, вдоль которой лежит на наш путь.

Минуя кустарники, вылезшие на самую обочину дороги, батальон вышел на большую светлую поляну, отлого спускающуюся к обрывистому берегу реки. Дорога же нырнула к неширокому старому мосту, посередине которого, с пери-

лами по бокам. Но нему нам и предстояло перебраться на тот берег к Грайворону.

Где-то в глубине города шел бой. Сливались заглушенные расстоянием, хлесткие орудийные выстрелы, раскаты взрывов снарядов, миш, хлопки гранат, треск пулеметов в единый отдаленный шум боя. Внезапно огненное слепящее облако — очевидно, от взорванной цистерны с горючим — стремительно поднялось вверх.

Все командование батальона внимательно рассматривает противоположный берег, а он угрюмо молчит, никого не видно: ни наших, ни немцев. Обстановка для батальона складывалась крайне неожиданной и непредсказуемой, то, что танкисты не оставили охрану у моста, заставляло комбата предполагать о возможности контроля его немцами.

Зобачев взглянул на часы — время подпирало, нужно было быть уже в городе, но он не хотел рисковать людьми, на мосту их могли перебить без труда за несколько минут.

— Давайте решать, что будем делать? — обратился комбат к командирам. — Что ожидает нас на том берегу, — неизвестно, скорее всего, немцы.

— Нужно послать разведку, — предложил командир пятой роты старший лейтенант Вишняков.

На том и порешили. В разведку пошли три бывалых сержанта. Дали им на все час — туда и обратно. Разведать ближнюю улицу и кустарник, росший вдоль берега у моста. Они сдали старшине свои красноармейские книжки, ордена и медали, партийные и комсомольские билеты.

Старшина бережно все сложил в свою полевую сумку.

— Идите, ребята, желаю вам удачи и благополучного возвращения, — напутствовал он разведчиков.

Они спустились к мосту и, идя гуськом друг за другом, миновали его и скрылись в кустарниках. Больше мы их и не видели. По всей вероятности, их захватили немцы.

Комбат нервничает, часто посматривает на часы и по прошествии часа, убедившись в бесплодности дальнейшего ожидания, командует:

— Старший лейтенант Ремизников, первой пойдет шестая рота. Готовьте людей. Выступаете через десять минут. Будет поддержка вам пулеметами и минометами. Действуйте! — с облегчением, что вопрос с форсированием реки решен, выдохнул Зобачев.

— Командиры взводов, ко мне! — раздается команда Ремизникова. Взводные, истомленные долгим ожиданием, давно уже толклись рядом около своего командира.

— Видите чуть левее моста дом двухэтажный, — показывает рукой ротный.

— Видим.

— Так вот, ребята! Нашей роте приказано его захватить, задача — в один момент на ту сторону и атаковать противника. Попов, первым идешь ты со своими хлопцами, следом Черноусов, а за ним первый. Ясно?

— Ясно, товарищ старший лейтенант! — слышится дружный ответ.

— Тогда за дело. Ставьте задачу командирам отделений и выводите людей к мосту.

Ремизников дает мне свой бинокль. Беру его и навожу на противоположный берег: как всегда, когда смотришь на вражеский передний край, местность кажется безлюдной — никакого движения. Издали вполне мирный пейзаж, вызывает беспокойство лишь старый двухэтажный дом: уж больно удобная у него позиция — под прицелом весь берег, один пулемет может наделать много бед...

Молча отдаю ротному бинокль и жду команды.

— Приготовились! — командует Ремизников. — Бегом, марш!

Мы срываемся с места и бежим по старым доскам моста, громко топая, время перестает существовать для нас, быстрее к заветной зеленой полоске берега, где можно будет хлопнуться на землю, перестав быть мишенью для врага.

Негромкий треск автоматных очередей и посвист пуль нарушают мирную тишину дня. Их заглушают очереди наших станкачей и минометный обстрел, подавившие стрельбу немцев, которые начинают ретироваться.

Срываемся с настилов моста на берег и, немного пробежав еще, залегает. Сделав короткую передышку, устремляемся к дому, его покосившейся калитке, через которую проникаем во двор. Пока все идет нормально, только троих задела пули.

— Следующая наша задача, — говорит командир роты, — выйти к перекрестку и там закрепиться. Опорный пункт немцев в следующем двухэтажном доме, его должны атаковать первый и второй взводы.

«Моего взвода там нет, значит, придется самостоятельно выполнять какое-то спецзадание», — подкмал я и не ошибся.

Старший лейтенант поворачивается в мою сторону и ставит задачу: «Прочесать улицу от немцев до перекрестка и там занять оборону».

Иду к казино с противоположной стороны двора, открываю ее и осторожно выглядываю на улицу. А вслед слышу последнее наставление командира роты:

Только учти, что наступать будешь не по правой, а по левой стороне улицы, которая не простреливается с перекрестка.

Первое, увиденное мною — большая белая туша немецкой лошади, вероятно, из артиллерийской упряжки, подбитая, когда они отступали от моста.

При перебежке на ту сторону улицы может послужить укрытием, — высказываю свою мысль.

А я думаю, хорошие из нее шашлыки получатся, командир, — говорит младший сержант Салиев. — Давай я скажу ребятам, пусть мяса нарежут, а на перекрестке и отпразднуют победу.

— При упоминании о шашлыках у меня появилась слюна во рту, но переборов искушение, говорю:

— Отставить, Салиев! Сначала дело сделаем, освободим улицу от фрицев, ну, а потом подумаем и о шашлыках.

Передо мной небольшая улица с двумя невзрачными домиками на переднем плане, а далее виднеется и перекресток, который нам и предстоит захватить.

— Салиев, пойдешь первым, быстрым броском до перекрестка. Если что, поддержим огнем. Следом за ним двинешь и ты, Василий, — говорю я командиру первого отделения, — будешь просматривать дворы и дома, в сады не заходить, понятно?

— Все ясно, младший лейтенант, — отвечают отделенные.

— Выполняйте!

— Есть выполнять!

Вместе с отделением Салиева перебежал улицу и я. Потрясенные ротой, на перекрестке появились немцы, пересекавшие улицу. На ходу пытавшиеся стрелять вдоль нее. Пули целкали по мостовой, по заборам, домам, и бойцы, прячась от них, стали заходить во дворы.

Прижимаясь к стенам домов и заборам, медленно передвигаюсь к перекрестку, откуда вели огонь перебегающие из

двухэтажного дома немцы, атакованные ротой. Усилившийся огонь заставил меня остановиться у открытого окна. И заглянул в него — комната была пуста: мебель и вещи — все находилось в полном порядке, создавалось впечатление, что хозяева отлучились на часок к соседям для мирной беседы.

Автоматная очередь хлестнула над головой; взглянув на перекресток, увидел присевшего на одно колено немца, стрелявшего вдоль улицы. Такой наглости простить ему было нельзя и, нажав на спусковой крючок, с пояса, не целясь, пустил длинную очередь. Она достигла цели — немец ничком упал на землю.

Выбив противника с перекрестка, отдышались и принялись зарываться в землю, углубляя мелкую, заросшую травой сточную канаву, идущую вдоль улицы. Противник отошел в соседний квартал и скрылся за домами. Опасность контратаки с его стороны оставалась, и нужно было быть в постоянной готовности для ее отражения.

Рота закрепилась в двухэтажном доме позади нас. Перед ним поставили пару «сорокопяток», на случай отражения танковой атаки. Мой взвод, усиленный командиром роты двумя бронебойками и четырьмя ручными пулеметами, играл роль заслона для принятия первого удара в случае атаки немцев на наши позиции.

В это время четвертая и пятая роты старших лейтенантов Бобылева и Вишнякова продвигались к церкви, прочесывая улицы, вытесняя немецких автоматчиков из домов и садов.

Из засады на улицу выползли три танка. В открытых люках стояли танкисты в черных комбинезонах и шлемах.

— Привет, пехота! Сто верст прошли и еще охота! — смеясь, поздоровался танкист прижившейся шуткой. — Куда путь держите?

— Здорово! К церкви! Грехи замаливать!

— Вот что, ребята, не отрывайтесь от нас, держитесь рядом. Вместе будем фрицев бить, вышибать из святаго храма.

— Вместе, так вместе. Нам спокойнее будет с вашими пушками фрицам на костылять.

Танкисты были ребята молодые, насупившиеся и злорадные, они шутили, улыбались, но в их веселости было что-то напускное. Чувствовалось, что в условиях города, они пользуются немецких пушек, засевших в домах пехотинцев с противотанковыми гранатами, бояться заживо сгореть в своих железных коробках.

С пехотой они чувствовали себя более уверенно, так как она подстраховывала их от внезапных ударов гранатометчиков. Несмотря на то, что танк большой и грозный, с броней, которая защищает его от пуль, — броневой снаряд делает в ней круглую дырку и может наделать много бед. Взрыв гранаты способен уничтожить танк: поджечь бензобак, заклинить башню, порвать гусеницы — тоже беда не малая.

Двигаясь за танками, пехотинцы вышли на улицу вблизи церкви. Танкист из первой машины скомандовал:

Перекур, пехота, перед атакой!

Гитта Гобилева и Вишнякова, рассыпавшись в цепь, стали окружать церковь. Немцы, засевшие там, «придавили» пулеметным огнем солдат к земле. Трескотня автоматной стрельбы, разрывы гранат, резкое гукание бронебоек, аханье противотанковых пушек слышится со всех сторон. После обработки обороны противника пушечным и минометным огнем, подразделения стрелков, передвигаясь от укрытия к укрытию, стали окружать церковь. Танки двинулись вперед. Два из них, сметая деревянные изгороди, через дворы и сады рванули к соседней улице, откуда били немецкие минометы. Третий — пошел напрямик по улице за ним двинулась и пехота.

Немцы покинули церковь, где у них находился наблюдательный пункт и установлены были пулеметы, державшие под обстрелом ближайшие улицы. Вслед за танками стрелки батальона пробивались по простреливаемым улицам, вытесняли противника из города. Гитлеровцы, поняв, что им грозит окружение, стали отходить к дороге на Большую Писаревку. К полудню противник прекратил сопротивление, и в городе наступило относительное затишье.

После ночного сражения затихший к утру бой, с приходом стрелковых подразделений вспыхнувший с новой силой, не оставил немцам никаких шансов отстоять Грайворон, и они стали спешно покидать его.

Сражение было выиграно. Но успокаиваться не стоило — к городу подходила танковая дивизия Шмидта.

ЗАСТАВА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

С батальонной кухни, расположившейся в буйной поросли пня и молодых деревьев, растущих вдоль берега Ворсклы, принесли в ведрах обед. Запах свеже сваренного борща приятно щекотал ноздри бойцов. На расстеленных плащ-палатках нарезали хлеб, распределив пищу по котелкам, принялись за ее уничтожение. Перекусив, перекурили и разошлись по своим местам.

Я же решил прогуляться до церкви, посмотреть на нее и познакомиться с городом, хотя был с той его частью, в которой можно было побывать.

У церкви толпился народ, взволнованно осуждавший трагедию, происшедшую с жителями города, которые нашли убежище во время боя в ее подвале. Становилось от расправы Козуп Ксения Варламовна в помятом, испачканном платье, задыхаясь от волнения, рассказывала уже не в первый раз подходившим людям, что перед уходом гитлеровцы спустились в подвал и, увидев там жителей города, пустились по ним автоматную очередь и вдобавок бросили гранату.

Зверство над мирными жителями, как показывал один из пострадавших, раненый старик, учинили трое гитлеровцев во главе с должовязым офицером, на лице которого он заметил косой шрам.

Тут же около церкви на двух столах медсестры оказывали первую помощь раненым. Одна из них осторожно разбирала слипшиеся от крови волосы у пожилой женщины, обращая до кровоточащей на затылке осколочной раны. Другая перевязывала на столе ребенка, и руки у нее дрожали, потому что ребенок стонал от боли, как взрослый человек.

— Сволочи, фашисты, бить их надо, гадов! — что сказал стоявший рядом боец, — стрелять, как вешеных псов! — И, сдернув с плеча автомат, побежал догонять свою роту.

Стоявшие тут же офицеры из штаба армии подробно все записывали в блокноты, фотографировали для составления акта о зверстве фашистов в Грайвороне.

Я вошел в церковь, где меня окутало пороховым дымом в застоявшемся воздухе. В алтаре царил погром, все разбросано, перевернуто, шитый золотом бархатный покров сорван, смятый, валяется на полу. На колокольне, куда вела крутая металлическая лестница, располагался наблюдательный пункт, с которого хорошо просматривался город.

Осмотрев его панораму, спустился в подвал, где царил полумрак, так как он освещался узкими, небольшими окнами, защищенными железными решетками. На полу — в одном из углов подвала — треская, примятая солома, с лежащими на ней еще не убранными трупами убитых.

Через несколько дней в армейской газете «Мужество» от 15 августа 1943 года появился акт о зверствах фашистов в Грайвороне.

АКТ о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Грайвороне Курской области

7 августа 1943 года, после освобождения города Грайворона, в подвале церкви обнаружены трупы зверски убитых жителей города. Чудом оставшаяся в живых женщина 59 лет, Козуп Ксения Варламовна, рассказала: «Спасаясь от обстрела, 13 жителей города, среди которых было 2 грудных ребенка, 3 старика и 8 женщин, укрылись в подвале церкви. Перед отступлением из города 4 немца обнаружили укрывшихся жителей в подвале, часть их расстреляли, а остальных забросали гранатами. В результате, убито 9 человек и ранено 4 человека».

*Настоящий Акт подписали:
гв. ст. лейтенант Беспалко, гв. лейтенант Высота.*

В ближнем к реке двухэтажном доме расположился командный пункт батальона. Дом был не новый, построенный для долгой и мирной жизни, но по воле сложившихся обстоятельств покинутый постоянными жильцами. Последними его постояльцами стали немцы, которым пришлось по быстрому ретироваться, чтобы не осложнять себе жизнь. После себя они оставили комнаты, захламленные старыми газетами, рваными матрасами и прочими непотребными предметами. В них еще ощущался запах чужой жизни — тот неповторимый запах пота, смешанный с запахом дешевых сигарет, который оставляли после себя солдаты.

После основательной чистки и наведения порядка при распахнутых настежь окнах для проветривания, командный

пункт комбата второго батальона расположился на первом этаже. Второй — отвели для отдыха, а еще выше — на чердаке — заняли свои места наблюдатели. Такая уж обстановка сложилась в городе, что КП батальона находилось всего в нескольких сотнях метров от передовой.

Наблюдая за улицей, я видел, как к дому подъехал заместитель командира полка майор П. П. Бубнов. Ранее он командовал нашим вторым батальоном, а потом пошел на повышение. Соскочив с коня и привязав его к скобе, он вошел в калитку.

Вскоре из-за дома вынырнула машина и, подпрыгивая на колдобинах, двинулась в нашу сторону. Это был командирский «виллисс», и я решил, что он свернет к дому, в котором находился командир роты. Но свершилось непредвиденное: добравшись до перекрестка, машина свернула не направо, а налево, в сторону немцев, прямо им в лапы. Дело принимало скверный оборот, так как в ней сидел полковник артиллерист.

— Сто-ой! Назад! — завопил истошно дежурный и дал очередь из автомата в воздух.

Фрицы в предчувствии богатой добычи тихо наблюдали, когда русский начальник окажется в их руках. Все решали секунды.

Шофер-сержант нервно заерзал на сидении: «Вот это встреча» — мелькнуло у него в голове. Но среагировал он мгновенно на непредвиденную ситуацию и, пригнувшись к баранке, резко нажал на тормоза, крутнув руль. Послышался резкий визг тормозов, и «виллисс» бросило набок. В таком положении шофер с трудом развернул его под самым носом у немцев, через миг машина скрылась за углом дома.

Моментально сорвавшись с места, я перебежал улицу и остановился около машины, в которой рядом с шофером сидел пожилой полковник лет под сорок в фуражке с черным околышем и эмблемой артиллериста на подчелюстных погонах. Он тщательно вытирал вспотевший лоб платком, сунул его в карман, посмотрел на меня.

— Товарищ полковник, проезда здесь нет, улица занята немцами, — доложил я.

— А как же мне проехать к Белгородскому шоссе? — спросил он. Сделав невольную паузу, добавил: — У меня там полк стоит.

— Точно не знаю, но если проехать правее по улице, можно выехать к церкви, а там спросите.

— А ты, Грина, скажи, что знаешь короче дорогу и чуть не завез меня к фрицам. — укоризненно покачав головой, обратился полковник к шоферу. — Всего хорошего, младший лейтенант! Спасибо, что вызволил нас от немцев. Поехали! — махнул он рукой, и машина вскоре скрылась из виду.

Судьбы командиров высокого ранга, увиденных мною за этот час, оказались похожими одна на другую — оба они погибли в этот же день в Грайвороне. Так часто случается на войне.

Второе пришло подкрепление: 3-я гвардейская мотострелковая бригада полковника М.П. Леонова и подразделения 12-й гвардейской танковой бригады полковника Н.Г. Лушака. Немцы после полудня не проявляли никакой активности.

Лишь регулярно в окрестностях Грайворона появлялись юнкерсы. Город они не бомбили, оставили целым и мост, вероятно, на что-то надеялись и берегли его для себя. Может быть, на танковую дивизию Шмидта, которая пробивалась по Белгородскому шоссе к Грайворону.

Примерно через час из калитки вышел майор Бубнов в сопровождении командиров штаба батальона. Попрощавшись, он вскочил в седло, тронул поводья и выехал на дорогу.

— А ты, Петрович, счастливый! — крикнул вслед комбат Зобачев. — Немцы попритихли, и самолетов их не видно, тишина кругом. Доброго тебе пути!

Я с интересом наблюдал за отъездом майора. Он неспеша доехал до поворота к мосту, в этот момент послышался гул самолета, «юнкерс», низко пролетев над землей, развернулся, от него отделилась черная горошина, которая точно угодила во всадника.

Раздался оглушительный взрыв, дрогнула земля, подняв в воздух столб пыли. И стало так тихо, как только бывает после бомбежки. Ни Бубнова, ни коня не стало, дорога смотрелась пусто, только остатки пыли медленно оседали на землю.

Пораженный увиденным, я быстро вскочил на ноги и поспешил на место происшествия. У дома, взволнованные нелепой гибелью майора Бубнова на их глазах, стояли: комбат Зобачев, замполит Колесников и начальник штаба Пыхтин. Они с недоумением смотрели на небольшую воронку на дороге без каких-либо признаков останков майора и его коня.

— Вот только одна фуражка и сохранилась от Бубнова, — поднимая ее с земли, сказал капитан Зобачев. — Ничего от

Петра Петровича не осталось, редкий случай, даже не похоронить человека, — закончил говорить комбат.

Так необычной смертью погиб 7 августа 1943 года в городе Грайвороне заместитель командира 786-го стрелкового полка майор П.П. Бубнов.

Впоследствии я узнал, что люди, попавшие в эпицентр взрыва, от высокой температуры просто испарялись, не оставляя следов.

Свидетелем этого редкого случая и мне пришлось быть...

Командир роты в два часа дня прислал связного с сообщением: «Наблюдатели отметили танковую атаку немцев на город со стороны белгородского шоссе крупными силами. Они продвигаются по окраине, стараясь не заходить в улицы. Приказываю объявить боевую тревогу, возможен захват моста».

Объявляю боевую тревогу. Бойцы занимают свои места, вероятность прорыва немцев к мосту высока, подтверждением этому служит и отсутствие попыток его разбомбить, чтобы использовать в своих целях. Появление танков возможно со стороны большого травянистого поля, окруженного кустарником с деревьями, примыкающего к берегу реки и улицы, идущей к центру города, занятой немецкими автоматчиками.

Ждать гостей долго не пришлось, до слуха донесся гул моторов и нарастающий лязг железа танковых траков. Утюжка подлесок, на площадь выползла мощная самоходная пушка «фердинанд». За ней появились еще две. Остановившись, они осматривали местность, ожидая, откуда по ним ударит орудия противника, чтобы расправиться с ними из своих 88-миллиметровых пушек, установленных в невращающейся башне.

Для наших «сорокопяток» они были практически неуязвимы, так как стояли к ним своими лбами, где у них была самая толстая броня. Один из расчетов все же не выдержал, ударил несколькими снарядами, которые не причинили им особого вреда. Возникшая дуэль окончилась в пользу немцев и была скоротечной.

Теперь, почувствовав свою неуязвимость, они раздумывали о своих дальнейших действиях. По отношению к нам, нехоте, тяжелые, неповоротливые «фердинанды», лишённые пулеметов для ближнего боя, представляли меньшую опасность, пока не переходили на утюжку окопов. Тут уж от них спасения не было, так как своей семидесятитонной массой продавливали любой окоп, уничтожая всех находившихся там.

Наверное, только русский солдат, вооруженный автоматом и гранатами, может вступить в единоборство с бронированными машинами, от которых и снаряды отлетали, как горох от стенки.

Еще рано утром, когда наш батальон подходил к Замостью, на дороге нам повстречалась подбитая немецкая самоходная пушка «фердинанд». Увидел я ее впервые и движимый любопытством, выйдя из строя, досконально с ней познакомился. Внимание мое привлекли три вентиляционные отверстия двигателя, защищенные решетками, под стволом пушки. «А ведь через них можно поджечь самоходку, если вдарить зажигательными», — подумал я. Но, стреляя с земли, пехотинцу сделать это было невозможно. В этом был большой вопрос!..

Быстро оценив ситуацию, я выбрал единственно правильное решение — попытаться залповым огнем бронебойно-зажигательными пулями из ручных пулеметов через вентиляционные моторные решетки, где могло быть скопление паров бензина, поджечь самоходку. Но для этого стрелять по ним нужно было с некоторым превышением над их расположением.

Отдаю команду:

— Пулеметчики, зарядить бронебойно-зажигательными!

Быстро занимаем позицию на небольшом бугорке. Беру ручной пулемет и объясняю, что стрелять будем с плеча вторых номеров по щелям ближнего к нам «фердинанда» залпами, короткими очередями, пока не задымит, а потом перенесем огонь на следующую самоходку.

— Все ясно? — спрашиваю пулеметчиков.

— Ясно! — слышу в ответ.

— Напоминаю, зря патроны не тратить, бить короткими.

— Приготовились! — откинув сошки пулемета, закрепил его на плече второго номера. — Держи крепче сошки!

Обеими руками крепко прижал боец их к своим плечам. Теперь ствол пулемета, приподнятый над землей, прямо смотрел на вентиляционные окошки двигателя пол стволом орудия.

Пора начинать. Подаю команду: «Огонь!» Нажимаю на спуск. Огненные трассы из четырех стволов устремились к самоходке. За первой последовала вторая очередь. Появился дымок, а затем и язычки пламени. «Получилось! Уделали корабелку!» — удовлетворенно подумал я.

Привалив за вторую самоходку. Прогрохотавшая очередь показавшаяся оглушительной. Второй номер, державший пуле-

мет, внезапно дернулся, пригнул голову. Я испугался: «Оглушило парня...» Диск кончился неожиданно быстро. И скнул пулемет с плеча бойца, крикнул:

— Диск новый давай, поживее!

— Держите! — боец протянул мне новый диск. Взвизгнув, спросил:

— А ты чего задержался? Не оглушило тебя?

— Да, нет! Все в порядке! — и его лицо расплылось в улыбке.

— А в ухо сильно отдавало?

— Ничего, терпимо. А все же боязно было... — признался боец. Таким же образом разделились и со вторым «фердинандом». Он также задымил рядом с первым.

Третий — с перебитой гусеницей из броневой бочки, покрутившись на месте, встал. Открылся люк, из него стал вылезать экипаж, сдаваясь в плен.

Танковую атаку немцев на город отбили. У штаба бригады толпился народ, незнакомый капитан остановил комбрига:

— Я из армейской газеты. Приехал писать о ваших гвардейцах.

— Напишите прежде всего о майоре Морозе, комбате и старшем лейтенанте Таршикове — достойные люди.

Тут же корреспондент услышал необычную новость, что около моста пехотинцы из стрелкового оружия подбили три самоходные пушки «фердинанд». Такого ему еще не приходилось слышать и, сунув блокнот в полевую сумку, он поспешил к мосту.

Ко мне подошел лет двадцати двух, веснушчатый, с курчавой рыжеватой шевелюрой и с боевым орденом на груди капитан.

— Старший литературный сотрудник армейской газеты. Мужество капитан Стадинок, — представился он, протягивая руку. Пожав ее, представился и я.

— Ваша работа? — кивнул он головой на трех подбитых «фердинандов», из которых два были основательно поджжены.

— Наша.

— Рассказывайте, как вам это удалось? — спросил он, доставая блокнот.

Я вкратце поведал ему о наших битвах с самоходками, представил пулеметчиков, стоящих рядом и с интересом наблю-

давших за корреспондентом, которого им пришлось видеть впервые. Газеты они читали, а вот с людьми, которые их писали, встречаться не приходилось.

Капитан, закончив записывать, выразил удивление увиденному:

— Я один представляю в армии три газеты: «Комсомолку», фронтовую «За Родину» и нашу армейскую — «Мужество», — а в таком случае столкнулся впервые. Придется писать.

Корреспондент мне понравился своей простотою обращенности и непринужденностью поведения, тепло попрощавшись, мы с ним расстались.

Забегая вперед, расскажу о статье, которая все же появилась в газете, — не обманул корреспондент, в будущем известный писатель Иван Стаднюк.

Позади Грайворон, дивизия 11 августа вышла на исходные позиции для наступления на Ахтырку. Замполит капитан Колесников, передавая мне газету «Мужество», посоветовал ее почитать. Газета за 10 августа была посвящена переходу 27-й армией границы с Украиной, а в ней статья «Пулеметчики зажгли самоходную пушку». Прочитав статью, я посмотрел на Колесникова. Улыбаясь, он сказал:

— Как и положено, первые номера будут представлены к орденам Отечественной войны, вторые — к медалям, а тех к Герою...

Первый такой случай, чтобы из пулемета подбивали «фердинанда», да еще не одного, а трех сразу. Даже броня в двести миллиметров, которую не каждой пушке пробить под силу, не спасла его от русской смекалки.

— Мне только и остается сказать в ожидании высокой награды: «Служу Советскому Союзу!» — ответил я шутливо и стать ждать обещанной награды.

Но последующие события, обострившие ситуацию на фронте, отразившиеся на нашей армии, вмешались в мою судьбу и круто изменили ее, подвергнув меня смертельным испытаниям...

ВОЙСКА ПОКИДАЮТ ГРАЙВОРОН

После контратаки немцев в середине дня в городе стало тихо. Вымотались за сутки немцы, начали отходить по дороге на Большую Писаревку, вымотались и мы. Привыкшие к грохоту и треску передовой, которая проходила по улицам города, бойцы настороженно прислушивались к наступившей тишине в ожидании нового боя.

По небу проплывали редкие облака, дневная жара постепенно спадала, и только неутомимые «юнкерсы» сновали над городом и его окрестностями, выискивая новые цели. Отбомбившись, они улетали на аэродром и часа через два-три, отдохнув, возвращались снова. Войска использовали это время для передвижений, чтобы не попасть под бомбежку.

В один из таких перерывов, в восьмом часу вечера наш второй батальон начал отход из города. Первыми отходили четвертая и пятая роты, следом пошла и шестая рота. Танкистам такой ход событий не понравился. Остаться после боя в городе, без прикрытия пехоты, было весьма опасным делом. Поговорить с пехотой под боком куда спокойнее. Решение нашли быстро. Комбриг распорядился: «Пехоту из города до утра не выпускать».

Поперек моста поставили танк, который накрепко перетеродил проход через мост, а танкисты в черных комбинезонах, сидя на броне, весело зубоскалили, отпуская шуточки в наш адрес. Подошел и второй танк с командиром танкового батальона. Теперь там разгорелся бой между двумя капитанами.

Видя, что дело принимает затяжной характер, и направился к зенитке, стоящей вблизи моста, решив поближе с ней познакомиться. Завязался оживленный разговор с командиром расчета старшим сержантом Бакурадзе, черноглазым грузином.

Он подтвердил мои предположения, что «юнкеры» могли бы свободно разбомбить мост, но ограничивались только обстрелом из пулеметов находящихся на нем людей, вероятно, стараясь сохранить его на всякий случай для собственных нужд.

— Можно ли сбить самолет из стрелкового оружия или это пустое занятие и напрасная трата патронов? — спросил я его.

— Такие случаи бывают, но весьма редко. По низко летящим самолетам нужно правильно выбрать учреждение. На-

пример, у бомбардировщика «Ю-88» скорость на малых высотах в среднем — 400 км в час или 110 метров в секунду. Если расстояние будет до самолета 300 метров, то понадобится 0,4 секунды, чтобы пуля достигла цели, за это время бомбардировщик пролетит 11 метра, это и будет величиной упреждения при стрельбе».

— Это все теория, — перебил я его рассуждения, — а как действовать солдату на практике?

На практике упреждение рассчитывается в корпусах машины или, по другому, в фигурах. Для наших «юнкеров» на дистанции примерно 300 метров составит три фигуры, — закончил он свои объяснения этим несложным правилом стрельбы по летящим самолетам.

К этому времени я заметил, что у моста началось шевеление. Танки освободили проход и ретировались в прибрежные заросли, а рота устремилась на мост и ринулась на тот берег. Попроцавшись с сержантом, двинулся к мосту и я. Там присоединился к старшему лейтенанту Ремизникову.

Не спеша, шли мы по мосту, которому сильно досталось за этот день. Под выбитыми досками настила тихо катила свои воды река, некоторые места были обильно политы кровью убитых или раненых воинов дивизии. Так дошли до одиноко стоящей машины, в которой я узнал тот самый «виллис», который утром пытался прорваться к центру города и далее на Белгородское шоссе.

В нем, как и раньше, сидели двое: полковник артиллерист и шофер, но уже не живые, а мертвые.

— Полковник Башилкин, командир 306-го артиллерийского полка. «Башилкинцы» любили его и уважительно звали «Батя», — сказал Ремизников, которому раньше приходилось встречаться с ним. Я, в свою очередь, рассказал ему, как сегодня утром мне пришлось с ним встретиться и из какой опасной ситуации он вышел живым, будучи на прицеле у немцев, а вот здесь смерть настигла его и не пощадила, вероятно, такова была его судьба — погибнуть в Грайвороне.

— Пошли! — позвал меня старший лейтенант.

Я еще немного постою. — Смерть полковника потрясла меня и казалась нелепой, хотелось постоять у машины и как-то осмыслить происшедшее. В голове промелькнула картина возможной гибели полковника: «Самолет, ревя двигателями, снижается, приблизился к мосту, пулеметная трасса зло уда-

рила в «виллис», который еще пытался уйти из-под губительного обстрела, но очередь, настигла свою жертву, и пули ударили в полковника и шофера».

В последний момент шофер сумел резко остановить машину, а полковник — открыть дверцу, чтобы выскочить на мост, но как раз в это время пули и настигли своих жертв, пронзив сердца. Смерть была мгновенной, это видно было по их позам».

Шофер, навалившись грудью на руль, продолжал крепко держать баранку, словно пытаясь и после смерти управлять машиной. Тело полковника, прислонившись к открытой дверце, так и застыло в таком положении. Правая рука держала ручку двери, а одна из ног уже касалась досок моста, на котором лежала сбитая с головы фуражка с черным околышем артиллериста. Прядь темных густых волос, упавших на лицо, тихо шевелил слабый ветерок.

Баки машины и капот были испятнаны пробоями и пулевыми росчерками. Уцелеть в такой машине не представлялось возможным. «Может, судьба каждого человека и существует в действительности», — подумал я и направился догонять командира роты.

В тот день меня часто посещали мысли о черных пятнах крови на гимнастерках убитых и блестящих пулевых росчерках на металле машины.

В конце моста увидел командира роты, стоящего на вытяжку перед полковником лет под сорок, с широкой грудью, на которой сверкали на солнце ордена и медали. Старший лейтенант стоял перед ним с недовольным лицом, слушая начальство. Подойдя к ним, пристроился к ротному с его левого бока.

Ты куда это бежишь, старший лейтенант? — жестко спрашивал он ротного, вперив в него тяжелый взгляд.

— Мне приказано командиром батальона вывести роту из города.

— Я отменяю этот приказ. В город прорвались немецкие танки, приказываю роте занять оборону около моста.

— Занимать оборону здесь я не могу, так как выполняю приказ своего командира о выводе роты в расположение своего батальона, товарищ полковник, — ответил Ремизников.

Но полковник оставил без внимания возражения старшего лейтенанта, глядя на него в упор, отчеканил:

— Повторите приказание!

У старшего лейтенанта заходили желваки на скулах. Он стоял большой и красивый, прямой и собранный и, как видно, сдаваться не хотел.

Чувствовалось, что дело пошло на принцип, но полковник, как старшина по должности, от своего не отступится, придется покориться. Но комроты продолжал стоять на своем, сдерживая волнение, он с трудом выдавил:

Приказ комбата я должен выполнить при любых условиях.

Повторите приказание! — уже раздраженный неуступчивостью старшего лейтенанта, повысив голос, произнес полковник, растереживая кобуру и доставая из нее пистолет.

Идду! — громко выкрикнул он, поднося пистолет к груди командира роты.

Тот стоял, по-прежнему молча, пристально глядя в глаза полковника, крепко сжав губы. «Ну и характер у ротного, — подумал я, — пристрелит старшего лейтенанта, нужно что-то делать, но что? Мы одни на мосту, может хлестнуть из автомата и в речку? Нельзя, расстреляют».

— Считаю до трех, выполняйте приказание, — его палец лег на спусковой крючок ТТ.

— Раз!.. — полковник неотрывно смотрел в глаза комроты. Чувствовалось, его раздражало упорство старшего лейтенанта. У него тоже не было выхода, обратного хода он сделать не мог, в таких условиях дело нужно было доводить до конца — таков фронтовой закон.

— Два!.. — помедлив, произнес полковник, сильнее упирая ствол пистолета в грудь Ремизникова.

Никто из них не хотел уступить. В этом случае верна поговорка «Нашла коса на камень». До развязки оставались считанные секунды...

В голове мелькнула мысль и решение пришло сразу. Нарушая субординацию — следовало обратиться к полковнику за разрешением, — твердым голосом произнес:

— Товарищ старший лейтенант, прикажите третьему взводу занять оборону моста!

Передайте мой приказ командирам первого и второго взводов занять оборону слева от моста, вы занимаете оборону справа.

Быстрым шагом я направился к берегу, а старший лейтенант молча повернулся и, не глядя на полковника, зашагал

вслед за мной. Полковник, облегченно вздохнул, ему совсем не хотелось убивать храброго старшего лейтенанта с орденом и медалью на гимнастерке, спрятал пистолет в кобуру, обтер платком вспотевшее лицо и шевел, поправил фуражку на голове и пошел к другому берегу, где стояли танкисты его бригады. Обстановка разрядилась...

Передав приказ взводам, я повернулся к своему взводу, кучкой стоящему рядом и приказал им занять оборону по берегу справа от моста.

— Дохлое это дело — держать оборону около моста, налетят «юнкерсы» и останется от нас мокрое место. Как думаешь, командир? — сказал Долгих, мрачно глядя на меня. Взглянув на него и понуро стоящих людей взвода, повинувшись их настроению, скомандовал:

— Взвод! За мной бегом марш! — понеслись мы, что было мочи, по кустарнику, росшему вдоль дороги, забыв об усталости, а когда выбежали на опушку небольшого лесочка, за которым начиналось поле. Встретились там с первым и вторым взводами, проделавшими ту же операцию — подальше ретироваться от гиблого места.

Но отдышаться и отдохнуть нам так и не пришлось. В это время налетели «юнкерсы». Они шли вдоль реки в сторону моста, бросая бомбы в прибрежные заросли, вдоль которых тянулся дымный след разрывов из поднятой в воздух земли и взрывчатки.

Оставаться на открытом месте было опасно, справа раскинулось светло-желтое поле подсолнечника, которое могло послужить укрытием, и рота, уходя от бомбежки, постепенно укрылась в нем. На ночь устроились в том же лесочке, где провели и предыдущую ночь.

После трудного дня, проведенного в Гранвороне, сон крепкий, всеильный, словно ударил каждого из нас плотным, отключив от действительности происшедших событий. Бомбы лежали на плац-палатках, шинели — одни расквашенные, другие — сжавшиеся калачиком, крепко прижав автомат к телу, или накрутив ремень на руку, обреченное оружие, как самое дорогое в жизни.

Деревья, укутанные в черные тени, стояли далекие и чужие. У моих ног, завернувшись в плац-палатку, спал, посапывая носом, сфрейтор Симон Сергеев, рядом с ним, спина к спине, трубно похрапывал Иван Зинченко. На востоке сол-

нечные багровые потоки расплывались, завязая в туманных сумерках нового дня.

Я поднялся с земли и стал растирать одеревеневшую от недовкого лежания правую руку. В лесу было прохладно и тихо. Обильная роса лежала на траве, отягощая листья жемчужными каплями. Солнце, по-видимому, только что взошло, его жидкие, еще не тронутые лучи робко сеялись сквозь листву. Упершись крепким хвостом в кору сосны, долбил под сучком лесной работяга дятел. Становилось свежо и сыровато. Плечи мои, словно передернулись. Сколько еще предстоит в жизни таких фронтовых ночей? Сколько боев впереди? Нет, лучше об этом не думать...

И вдруг вспомнилась нелепая, неожиданная смерть полковника Башилкина на мосту, вдали от боя, из которого он только что вышел живым и невредимым. После тяжелого боя на Белгородском шоссе с превосходящими силами танковой дивизии генерала Шмидта, когда мощные «тигры» крушили батареи полка и выйти живым из такого ада казалось чудом, судьба подарила ему жизнь. Смерть же шла по пятам и настигла его в Грайвороне. И теперь совершенно точно пришло — убеждение, что смерть не выбирает места.

Победа в Грайвороне для 155-й стрелковой дивизии досталась нелегкой ценой. Погиб командир 306-го артиллерийского полка А.И. Башилкин, замполит полка К.Г. Латыпов, начальник штаба полка Б.Н. Платонов, командир разведки полка Е.С. Деменчук и многие другие бойцы и командиры полка.

В 786-м стрелковом полку погиб заместитель командира полка майор П.Я. Бубнов. Только из нашего второго батальона погибло 20 человек, из них 5 младших командиров, ранено 37 человек.

Разбито 82-миллиметровых минометов — 7, 50-миллиметровых — 2, а также были и другие потери: в лошадях, повозках и т.д.

Были и трофеи: десятки лошадей обозных, автомашин грузовых, мотоциклов, велосипедов, склад разных калибров в количестве 300 тыс. штук, 76 пленных солдат и офицеров и т.д.

В журнале боевых действий 155-й с.д. есть такие записи о боях за город Грайворон (ф. 155, д. 1, оп. 1): «...части дивизии преследовали отходящего противника и вступили с ним в бой на рубеже реки Лисенок с частями 332-й пехотной дивизии и 11-й танковой дивизии немцев. На следующий день 7 августа

совместно с частями 4-го гвардейского танкового корпуса овладели городом Грайворон.

В овладении города Грайворона решительными действиями отличились подразделения 786-го стрелкового полка под руководством командира дивизии гвардии полковника Капорова и командира полка подполковника Казарина. В бою за город Грайворон были разгромлены части 332-й пехотной дивизии и 11-я танковой дивизии немцев...

786-й стрелковый полк был задержан командиром 1-го гвардейского танкового корпуса в городе Грайвороне до 20 часов 30 минут».

Сколько же бесстрашных людей осталось навечно в Грайвороне! Сколько их полегло на пути к нему и после него на каждом километре нашей земли, очищаемой от фашистов! И, мы радуясь победам товарищей, горевали о погибших. Что поделаешь: фронтовая радость — кровью политая, слезами омытая. Горькая радость.

На следующий день после нашего ухода из города появилась оперативная сводка Информбюро:

«воскресенье. 8 августа 1943 года. В течение 7 августа на Харьковском направлении наши войска, преодолевая сопротивление противника, продолжали усиленно развивать наступление и продвинулись вперед от 10 до 15 километров, заняли более 70 населенных пунктов, в том числе город Грайворон, районный центр Борисовка, крупные населенные пункты Мезеновка, Дорогощ, Козинка, Сенное, Малая Писаревка, Уды, Микояновка, Бродон, Пуляевка и железнодорожные станции Долбино, Толоконка».

Закончился первый этап наступательной операции с 3 по 7 августа: прорыв немецкой обороны и ликвидация основных неприятельских узлов сопротивления на Харьковском направлении.

Командир дивизии полковник Капоров получил в штабе армии новую директиву: «Совместно с частями 147 и 241-й стрелковых дивизий преследовать противника вдоль реки Ворскла в направлении на Ахтырку и к исходу 8.08 овладеть рубежом: Подлозиевка, Мошенки».

Впереди лежала земля Украины, и к вечеру 8.08 дивизия вышла на рубеж: Вольное, Ямное.

РАЗВЕДКА БОЕМ В ТЫЛУ ВРАГА

ПЕРЕД ШТУРМОМ АХТЫРКИ

Наибольшего успеха в боях при контрнаступлении Воронежского фронта с 3 по 11 августа 1943 года добились войска 27-й армии генерала С.Г. Трофименко. Ее левый фланг прикрывала 1-я танковая армия генерала М.Е. Катукова, а правый — 40-я армия генерала К.С. Москаленко.

Группировка выполняла главную задачу Воронежского фронта в операции «Полководец Румянцев» — острыми клиньями прорвалась в расположение врага, разрывала его фронт на отдельные части, которые потом уничтожались.

В результате ее мощных ударов вражеская оборона была рассечена на две части. Между 4-й танковой армией и оперативной группой «Кемпф» немцев образовалась 55-километровая брешь, нарушившая взаимодействие между ними. Инициатива целиком перешла в руки командования Воронежским фронтом.

Части 27-й армии, продолжая преследовать противника от города Грайворона вдоль реки Ворскла, к исходу 11 августа вышли на рубеж Кириковка, Петровское, Пархомовка, Краснокутск, с которого должен был начаться штурм города Ахтырка, заключительного этапа операции «Полководец Румянцев».

В авангарде ударной группировки армии действовал 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова, который стремительным, без подготовки, наступлением пытался овладеть Ахтыркой. Он успешно провел бои на подступах к городу, но, войдя в него, встретил ожесточенное сопротивление превосходящих сил противника и на следующий день должен был его оставить.

Между тем в «Оперативной сводке советского Информбюро за 11 августа» появилось сообщение о его освобождении. Но «блестящая операция», сулившая награды отличившимся, обернулась сдачей Ахтырки. Такие случаи во время войны не редкость: «Город взят — город сдали».

Верховный Главнокомандующий т. Сталин среагировал быстро и в адрес Маршала Жукова, курировавшего действия фронтов, и генерала Ватутина, командующего Воронежским фронтом, пошли грозные указания.

Командующий фронтом генерал Ватутин получил сначала устные, а затем и письменные указания от Сталина, в которых говорилось: «...И еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операции, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни

...Ибо без ликвидации этой группировки противника серьезные успехи Воронежского фронта стали не осуществимыми³».

И далее, в следующей директиве он рекомендует, как это сделать: «...Для этого необходимо организовать прорыв фронта противника с привлечением основных сил артиллерии и авиации, наподобие того, как это было организовано севернее Белгорода⁴».

Сложившаяся обстановка под Ахтыркой, ставшая предметом пристального внимания верховного Главнокомандующего т. Сталина, оказала прямое влияние на трагическую судьбу нашей шестой роты, направленной командованием в разведку боем в тыл врага с целью определения огневых точек и месте прорыва дивизии...

Склонившись над оперативной картой, расстеленной на столе, командующий 27-й армией генерал Трофименко сосредоточенно думал: «Где проходят позиции оборона города и какие части их занимают?» Это сейчас было главным. Без этих сведений начинать повторно операцию по освобождению Ахтырки было нельзя.

Войсковые разведчики сбились с ног, каждую ночь они уходили на задания, но ни одного «языка» взять не удавалось. Куда ни пойдут — везде нарывалась на заслоны, неся потери ранеными и убитыми, возвращались ни с чем.

Объяснялось это тем, что командующий группой армии «Юг» фельдмаршал Манштейн, желая сохранить в дальнейшем группировку в районе Ахтырки, издал приказ, предупреждающий командиров подразделений, что они будут немедленно сняты с должности и разжалованы в рядовые, если русские разведчики возьмут пленного.

Вот почему нашей разведке так трудно стало проникать в расположение немцев и добывать «языка».

Между тем из разведывательного отдела штаба фронта шли сообщения, что к Ахтырке продолжают идти новые эшелоны

с войсками. Немцы умело использовали ночное время — семь часов темного времени — для маршей, скрытых перегруппировок, для подтягивания частей к рубежам обороны города.

Время не ждало, нужно было наступать. Командующий фронтам Ватутин после неприятного разговора со Сталиным о срочном сроках операции жал на Трофименко, поставив перед ним задачу — ускорить освобождение Ахтырки». Но командарм отдавать приказ на штурм города не спешил. Отдать его, не подвинув основные точки противника в месте прорыва, — значит пойти на большие жертвы, а, возможно, и снова на провал операции.

Предположительно линию обороны города можно было установить, но на глазок кидать бомбы и снаряды являлось делом бессмысленным. Трофименко ждал-ждал от разведчиков каких-либо данных о противнике, да видно терпение кончилось, и принял, наконец, непростое решение: «Направить в тыл врага стрелковое подразделение, которое ночью скрытно перейдет линию фронта и проведет разведку боем. Вызвав огонь на себя на рубеже обороны, заставит противника раскрыть огневые точки, которые при наступлении и будут уничтожены».

Он вызвал начальника штаба генерала Лукьянченко и начальника разведки. Свое решение Трофименко сообщил начальнику штаба. Выслушав его, тот, подумав, сказал:

— Но ведь это жестоко, — посылать людей на верную смерть, без каких-либо шансов остаться в живых!

Трофименко помолчал, пытливо посмотрел на Лукьянченко и жестко произнес:

— Ты мне брось эту высокую материю вспоминать. Вся война — жестокость, от нее никуда не уйдешь, не спрячется за красивыми словами. Все зависит от обстановки. Командир обязан поступать по обстановке. Иначе он не командир. Погибнет сотня, но она спасет тысячи людей и обеспечит успех операции дивизии и армии.

— Если иного выхода нет... — неуверенно, собираясь с мыслями, выдал из себя Лукьянченко, — я согласен. Кому поручим эту операцию?

Прикази комдиву 155-й полковнику Капрову отменить штурм Ахтырки 13 августа, ориентировочно перенести его на 15, по результатам разведки. Сегодня же в ночь выслать разведгруппу в составе стрелкового подразделения.

Затем, обратившись к начальнику разведки, спросил:

— Где разведгруппы? Есть новые сведения о противнике?

— Не-ет, товарищ генерал, — виновато моргая темными глазами, тихо произнес он.

— Организуйте сегодня разведку боем в ночное время на линии фронта стрелковым подразделением в 155-й дивизии. Для фиксации огневых точек противника вышлите разведчиков наблюдателей. Задача ясна?

— Так точно, товарищ генерал!

— Выполняйте!

— Есть выполнять!

Полковник Капров, получив приказ, поручил разведку боем провести командиру 786-го стрелкового полка подполковнику Казарину. Тот, не теряя времени, вызвал командира второго батальона капитала Зобачева.

— Вот что, Вадим Иванович, получен приказ комдива провести разведку боем в тылу противника силами батальона или роты сегодня ночью. Задача — выявить огневые точки противника в месте прорыва дивизии при штурме города. К тому же нужно определить, какая часть там стоит. А для этого придется брать «языка».

Казарин, развернув карту на столе, обвел карандашом участок, куда должна была направиться разведка.

— Подробный инструктаж проведет начальник разведки дивизии, — добавил он и выжидательно посмотрел на комбата. — Задача ясна, Вадим Иванович?

— Дело опасное, батальоном рисковать не стоит, пошлем роту, — высказал свое мнение Зобачев, немного ошарашенный таким внезапным приказом начальства.

— Действуйте, согласен на роту.

— И еще одно... — после небольшой паузы сказал комбат. — Разрешите?

— Слушаю.

— Для тех, кто должен пойти в разведку, будет очень мало шансов... очень мало шансов на успех?

— Но и на возвращение? — неподдельно изложил на него командир полка.

— Да, и на возвращение...

— Шансы? — помедлил с ответом Казарин. — Какие шансы? У них нет никаких шансов. Они «смертники». Но другого решения я здесь не вижу. Пожертвовав собой, они спасут ди-

визию от разгрома при штурме города и будут способствовать успеху операции. Такие опасные задания для жизни редки даже в военное время, и нужно будет отметить их подвиг в журнале боевых действий полка.

— Но тогда, как быть с «языком», с доставкой данных разведки о частях, занимающей там оборону.

Будем действовать по обстановке. Первую задачу они выполнят, выйдя на огонь на себя, и чем больше они продержатся, тем больше враг, из чувства самосохранения, откроет нам свои карты, подключая в бой новые силы. Будет засечена линия из обороны.

По второй задаче — определение части, занимающую оборону, предусматривается и такой вариант: развить успех рота силами батальона или полка. Время покажет.

Значит, надежда на нашу поддержку у них может быть!

В боевых условиях самая безнадежная обстановка может привести к успешному концу, будем надеяться на лучшее. Подите, капитан, приступайте к подготовке разведки. Желаю успеха.

«СМЕРТНИКИ» ИДУТ В РАЗВЕДКУ

День 12 августа для нашего 786-го стрелкового полка прошел спокойно, так как он находился в резерве дивизии. Вперед выдвинулись 436-й и 659-й стрелковые полки, которые в течение всего дня вели боевые действия с противником, чтобы выйти на новые рубежи, с которых удобнее было начинать штурм Ахтырки, назначенный комдивом на утро следующего дня.

С утра 436-й с.п. подполковника Гащенко начал наступление в направлении станции Кириковка. Под прикрытием огня артиллерии и минометов полк подошел к станции. Здесь он встретил упорное сопротивление. По небу в сторону противника скользнули сверкающие языки белого пламени. Это ударили «катюши», завершившие артиллерийскую подготовку. Над станцией повис сплошной бурый дым.

Стрелковые подразделения ворвались на станцию и завязали упорные бои, вытесняя немцев из Кириковки. К полудню она была освобождена. Преследование противника продолжа-

лось до вечера, пока воинский полк не были остановлены превосходящими силами врага.

Вышел вперед на новые позиции и 659-й с.п. однополковника Никифорова, проводивший боевые действия в течение дня и к 16 часам освободивший деревни Гарбузы, Бардуны, Горбуни, Жилы, Колодяжная.

Передовые части дивизии, преследуя противника, пытались приблизиться к северной окраине Ахтырки, но на ее подступах встретили упорное сопротивление и вынуждены были отойти. Немцы вели интенсивный огонь из района Солонцы.

Наше бездействие ничего хорошего не сулило. Обычно перед наступлением выводили в резерв на отдых части и подразделения, которым предстояло при наступлении выполнять главную задачу.

От командира роты старшего лейтенанта Гемидицкого получил задание заступить с 18 часов на дежурство по батальону. Оно меня несколько удивило, так как дежурств я совсем недавно и очередь моя еще не подошла.

Дежурство свое начал с помещения штаба батальона, размещавшегося в ближайшей деревне. Там встретил заместителя батальона капитана Колесникова, с которым был в близких отношениях. Он познакомил меня с некоторыми батальонными новостями, в том числе и с той, что намеченное командиром на завтра наступление переносится на 15 число.

Оставив в штабе батальона дежурного, проинспектировал роты, проверил посты. Незаметно прошло время, и вечерние сумерки сомкнулись над землей. Утомленные за день солдаты похрапывали около своих окопчиков. Решил отключить и я. Бросил на траву около ячейки плащ-палатку, ступил ногой сапоги, и уже через мгновения меня придавила камешная сон.

— Товарищ младший лейтенант! Да проснитесь же! — слышу сквозь сон знакомый голос Саши Некрасова, своего командира роты. Открываю отяжелевшие веки и вижу в сумраке ночь, склонившееся надо мной его лицо.

— Старший лейтенант срочно вызывает, — говорит он.

— Понял, иду.

Делаю попытку встать на ноги, но какая-то неведомая сила тянет, словно магнитом, меня к земле. Глаза непроизвольно закрываются, и я снова отключаюсь от всего земного.

Некрасов, почуввав за спиной подозрительную тишину, повернулся и, увидев меня в прежнем положении, вернулся и бесцеремонно так встряхнул, что я моментально оказался на ногах в состоянии бодрствования. Быстро натянув сапоги, застегнув гимнастерку и подтянув ремень, поспешил к командиру роты.

А в голове мои роились детали необычного сна, приснившегося в короткие мгновения пробуждения. Обычно во фронтовых условиях, при постоянном недосыпании, спали мы все без сновидений беспробудным солдатским сном.

Увиденный же сон был довольно странным и невольно заставил меня задуматься.

Передо мной стояла мать, такая, какой видел в последний раз при проводах на вокзале. По ее щекам скользили слезинки, оставляя ровный след, грустно глядели добрые материнские глаза, а губы шептали:

Приезжай, Володюшка, домой поскорей, я так соскучилась по тебе, сердце совсем изболелось, жду, не дождусь, когда снова увижу...

— Мама, не могу я этого сделать, я в армии, и никто меня не отпустит.

Тогда она взяла мою руку в свою и, крепко сжав, произнесла:

— Я не отпущу тебя, если ты не исполнишь мою просьбу.

Она была такая незащитная, жалкая, со слезами на глазах, что сердце мое сжалось от нахлынувших чувств любви к матери, и я поклялся выполнить ее желание...

К снам я относился по-разному. Сновидения — продукт работы мозга. Просто так ничего не снится, все имеет свою подоплеку, которую мы иногда не можем объяснить. Ну, мать, ладно, а вот что означает все остальное? Неужели она почувствовала какую-то опасность, нависшую надо мной, и хотела ее предотвратить, что так настойчиво звала меня домой.

В тот момент я не знал и даже не мог предположить, в каком смертельном переплете вскоре окажусь, когда между жизнью и смертью будет всего лишь один шаг...

Только впоследствии, анализируя события тех нескольких суток в тылу врага, которые пришлось провести в разведке на грани жизни и смерти, я смог увязать их с вещим, как оказалось, сном. В самые критические минуты, когда чувствовался холодок висевшей над моей головой смертельной опасности,

ее словно по волшебству отводила неведомая сила, которая и позволила мне одному со многими ранениями остаться живым из шести десятков воинов нашей роты, погибших в бою на украинской земле близ города Ахтырки...

Впереди на дороге показалась небольшая группа людей что-то обсуждавших. Командир роты Ремизников при слабом свете электрического фонарика объяснял задачу разведки.

Подойдя ближе, я услышал его слова:

— В разведку идут второй и третий взводы, а также взвод противотанковых ружей. Первый взвод остается в резерве. Командует разведгруппой лейтенант Мисик. Все лишнее оставьте, берите побольше патронов и гранат.

— В чем дело? — спросил я Игоря Черноусова, командира второго вывода.

— Идем в разведку за «языком». Брать придется, по всей вероятности, завязав бой с немцами, в тихую у разведчиков не получается, а время не терпит. Начальство торопит побыстрее разделаться с Ахтыркой.

Командир роты, заметив меня, сказал:

— Поднимай взвод «по тревоге» и присоединяйся к группе Мисика. Думали сначала обойтись одним взводом, но начальство приказало усилить разведгруппу-

Закончив говорить, он как-то странно посмотрел в мою сторону, как мне показалось, виноватым взглядом...

Только позже, попав «в перепалку» к немцам в лапы, я понял, почему он послал меня дежурить по батальону, таким образом, хотел, чтобы мой взвод не принимал участия в разведке, зная наперед о ее участи.

После случая на мосту в Грайвороне, когда полковник танкист грозился застрелить его за неподчинение приказу, а мое случайное вмешательство разрядило обстановку и все обошлось благополучно, он чувствовал, что был обязан мне жизнью. И как-то однажды сказал: «Я обязан тебе тем, что еще живу...»

К ночному поиску шла ускоренная подготовка. Военные и командиры отделений лично проверяли оружие, снаряжение, все не нужное при бое приказывали оставить. Подошел замкомроты лейтенант Мисик:

— Внимание! — сказал он. Противотанки, шнели, все лишнее оставить. Документы, награды сдать старшине. Запасайтесь патронами к автоматам, ручными гранатами, особенно

противотанковыми. Заполните ими вещмешки под завязку, все это нам пригодится. Поидем без шума, без разговоров за линию фронта.

На расстеленные на земле плащ-палатки, полетели ненавистные всем противогазы, шинели. Старшина собирал документы, награды и складывал их в вещмешок.

Лейтенант Мисик, увидев, что сборы подошли к концу, взглянул на часы.

Все готово? — спросил он взводных. — Стройте людей в колонну по два. Сейчас подойдет разведчик из полковой разведки, он проведет нас через линию фронта.

Вскоре подошел разведчик, молодой боец, в сдвинутой на лоб пилотке, с озорными глазами, чувствовалось по поведению — длихой парень. Перед тем, как тронуться, комбат в напутствие сказал:

Идите и знайте, что от успеха вашей разведки во многом зависит и успех дивизий по взятию Ахтырки. Желаю удачи!

В этой короткой фразе были пожелания успеха и горечь от того, что надо посылать роту на смертельно опасное дело. После его прощальных слов, колонна цепочкой двинулась в висящую над передним краем зловещую тишину.

В траншее боевого охранения, выдвинутой на передние позиции батальона, встретили нас с уважением; не часто стрелковые подразделения уходят в ночь за линию фронта. Бойцы понимали, что идем выполнять особое задание в тыл к немцам. Послышались приглушенные голоса:

— Пошли, значит, братцы, к фрицам в гости?

— На рожон, ребята, не лезьте! Поосторожнее там с фрицами!..

И напоследок, обычное солдатское пожелание:

— Ни пуха вам, ни пера, хлопцы!

— К черту! — слышалось из колонны.

Облака прикрыли небо, было так темно, насколько темной могла быть короткая августовская ночь. Окружавшую нас тишину нарушал только треск кузнечиков. Гитлеровцы не подавали признаков жизни: не прорезали небо ракеты, освещая с высоты землю своим мертвенно-белым светом, не слышалось дежурного перестука пулеметов, отдаленной стрельбы орудий и минометов. Казалось, все вокруг вымерло... Разведгруппа благополучно пересекла нейтральную зону и миновала передний рубеж немцев.

— Порядок, прошли! — сказал Мисику молоденький разведчик, — дальше чисто, товарищ лейтенант, пока по второй рубеж фрицев не упретесь.

— Спасибо, браток! Пронгли что надо, спокойно.

— Не за что. У них тут сплошной линии фронта нет — дыра для прохода достаточно. А вот обратно — хуже будет, наверняка перекроют вам дорожку, так что будьте поосторожнее...

— Давай топай теперь до дому, — сказал лейтенант, отпуская разведчика. Теперь в нем не было нужды.

— Сейчас пойду. А вам счастье, хлопцы, обратно вернуться целыми и невредимыми!

Боец сделал шаг в сторону, на мигновение остановился, бросил прощальный взгляд на разведчиков и быстро зашагал в темноту. С его уходом оборвалась единственная нить, связывающая нас с батальоном, полком, дивизией.

Разведчики продолжили путь, идя молча в напряженной настороженности, то и дело непроизвольно вздрагивая от любого постороннего звука или шороха. Я не представлял себе, как лейтенант Мисик ухитрился вести группу к намеченной цели в кромешной темноте, идя без дороги, по целинной безбрежной голой степи, где трудно было ориентироваться даже днем.

Шли, казалось, довольно долго, пока не последовала команда: «Боевой порядок в цепь!» Рота развернулась в цепь и, замедлив ход, двинулась вперед, соблюдая осторожность, готовая в любую минуту вступить в бой. И она наступила совсем скоро.

Ночная тишина взорвалась треском автоматных и пулеметных очередей. Замелькали в темноте светлые вспышки огня, как роя свинцовых пчел, которые стремительно неслись в нашу сторону, жала, убивая и калеча людскую плоть. Рота моментально залегла, спасаясь от губительного огня немцев.

До чего же мы точно вышли на противника, его боевое охранение, прямо лоб в лоб. Я мог судить об этом, так как находился на левом фланге цепи, а немец с ручным пулеметом был по мне на правом фланге своей обороны. Ну и, густо жестякище над головой, буквально вжали меня в землю. Делать попытку как-то, защититься от них, я выставил перед собой малую саперную лопатку, жалея о том, что у меня жались пилотка на голове, а не каска. Огонь со стороны немцев не затихал, лежать дальше не имело смысла, нужно было действовать. И тут раздалась команда Мисика:

— Вперед! В атаку! Перебежками!

Как же тяжело под пулями отрываться от земли и идти в атаку. Если бы в этот момент кто-нибудь из бойцов, теряя рассудок под огнем противника, смалодушничал и ударился в бегство, удержать людей от паники командирам в условиях ночи вряд ли удалось. Какое напряжение испытывают люди под пулями, несущими им смерть, передать словами невозможно. Но выдержала шестая рота — пошла вперед на врага, не отступила...

Перед самими окопами рота залегла, нужна была минутная передышка для решающей рукопашной схватки с немцами. Но медлить было нельзя, ряды наступающих таяли под губительным огнем противника.

Лейтенант Мисик, видя безвыходность положения роты, решил на последний бросок. Он подтянул ногу, ощутил твердую землю под коленом и быстро поднялся.

Р-рота-а! Вперед! За мной! — раздался его громкий голос в шуме стрельбы.

Пустив длинную очередь из автомата, он устремился вперед, увлекая за собой бойцов, стрелявших на ходу и подбадривающих себя криками и смачным матом. В ход пошли гранаты, завязался рукопашный бой. Немцы, отступая, тоже что-то орали на незнакомом для нас языке. Развязка атаки в нашу пользу была близка.

Я бежал вместе со всеми, несколько пригнувшись, стреляя на ходу, уже дважды ужалили меня пули, пока третья резко, с большой силой, словно дубиной, ударила меня в правое плечо, сбивая с ног. Через некоторое время прихожу в себя, обретаю ощущение действительности, и с нею приходит боль. Пуля, пробив плечо на вылет, вышла под мышкой. Ладонями зажимаю кровоточащие раны, перевязываться нечем, нужно ждать, когда полегчает...

Это была моя первая атака, пришлось поднимать людей в чистом поле на автоматный и пулеметный огонь. Трудно пришлось и самому, чтобы оторваться от земли нужно было сжать свои чувства в кулак и преодолеть страх. Уцелеть в атаке не просто, и участие в двух-трех из них позволяет пехотинцу отнести себя к долгожителям. За несколько минут я уже успел схватить три пули, а достаточно бывает и одной...

Задело? — вдруг слышу рядом знакомый голос Черноусова. Он каким-то образом отыскал меня в темноте. Может, кто из бойцов подсказал ему, что меня ранило и указал место.

— Да, вот отхватил три штуки. Последняя самая злобедная оказалась — пробила насквозь правое плечо, но нерви, по видимому, не задела.

— Больно? — спросил он, глядя, на мои окровавленные ладони, которыми я пытался остановить кровь, зажимая ими раны.

— Терпимо. Отходит понемножку, вот только плечом шевелить не могу, но рука работает, еще постреляю.

— Навоевался! Отходи назад, пока еще есть возможность.

— Посмотрю. Думаю остаться, полагаю, нам теперь назад ходу нет, перекрыли все дырки немцы. Немного оклемаюсь и подойду к тебе.

— Ну, смотри сам. Пожалуй, ты прав, что назад нам ходу нет. Немцы поняли, зачем мы сюда заявились и постараются с нами разделаться. — Немного помолчав, добавил: — Убили Мисика, когда ворвались в окопы. Командование ротой принял на себя. Полегчает, подходи, вместе подумаем, что нам дальше делать. Тяжело придется роте...

Бой стих. И эта наступившая необычная после боя тишина наваливается на людей мирным явлением, в которое они должны поверить. Немцы отошли на свои основные позиции и затихли, чтобы с новыми силами ударить по нашим поредевшим рядам.

При полном безветрии воздух после сражения был тяжел и смраден, казалось, в него накачали мельчайшей пыли, смешанной с пороховой гарью. Люди шумно дышали открытыми ртами, приходя в себя после испытанного напряжения во время атаки, словно выброшенные волнами после бури на берег рыбы, облизывали шершавые пересохшие губы, мечтая о глотке воды. Но стеклянные утяжки в суконных чехлах давно опустели.

Серые сумерки в преддверии нового дня редели, появились светом, на востоке заалела заря, показался краешек солнца, от которого брызнули яркие лучи, освещая землю.

Бойцы в разных позах отдыхали у потревоженных боем траншей, которые оказались приспособленными для круговой обороны. Нас это вполне устраивало, так как противник мог вести наступление с любой стороны.

Мертвых похоронили в запасном окопе, который обнаружили вблизи от нашего. В дальний, наиболее безопасный участок траншей собрали всех тяжело раненых. Измученные от боли и жажды они стонали, молили о помощи, о глотке воды. Не-

которые, смирившись с действительностью, молча лежали. В нашем тяжелом положении помочь им мы ничем не могли.

Подправив порученные во время боя участки траншей и набив диски для автоматов патронами, устроили отдых. После бессонной ночи все уже спали крепким солдатским сном и разбудить их могло только лишь прямое попадание снаряда или знакомые звуки подъехавшей кухни...

В ЛОГОИ «ВЕЛИКОЙ ГЕРМАНИИ»

Траншея боевого охранения располагалась на небольшой вышке травянистого поля, полого спускающегося в сторону немцев, где виднелись посадки подсолнухов, скрывавших наш обширный обзор. Сзади нас, метрах в двухстах, раскинулось желтеющее поле зрелой пшеницы, уходящее в даль.

Наша высота, как обычно ее понимают, ничего общего с высоким холмом не имела. На войне словом «высота» называют возвышенность, господствующую над окружающей местностью. В степях такие высоты иногда имеют нерезко выделяющиеся вершины с пологими склонами, занимающие обширные площади. Такой была и наша высота.

У дальнего окопа, где нами устроено было кладбище, бойцы нашли убитого немца, которого, вероятно, фашисты при отступлении не заметили и не уволокли с собой, что они обычно делали. Для нас он мог оказаться «языком», используя его документы, можно было определить часть, занимающую здесь оборону.

Убитым оказался молодой немец лет двадцати, лежащий на спине с открытыми потускневшими глазами, устремленными невидящим взглядом в голубое светлое небо. Судя по знакам отличия на погонах, перед нами унтер-офицер. Из удостоверения, которое я достал из кармана его мундира, стало известно, что он Курт Виммер, унтер-офицер гренадерского полка моторизованной дивизии «Великая Германия».

Подойдя к Черноусову, сидящему около траншеи, пристраиваюсь к нему и подаю трофей — офицерскую книжку — со словами:

Вот и ответ на вторую часть задания нашей разведки — мы попали на моторизованную дивизию «Великая Германия», которая занимает оборонительные рубежи северо-восточной части города.

— Я слышал об этой дивизии, — задумчиво, просматривая документы, ответил Игорь, — она считается одной из лучших у немцев. Сведения для штаба дивизии очень важные, наступать, имея перед собой такого врага, рискованно. Скорее в такой ситуации благоразумнее пересидеть в обороне и подтянуть резервы. Нужно их как-то передать, но как? Таких возможностей я не вижу.

На его лице, обычно не возмущимом, сдвигаются темные брови и проступает печать тревоги.

— Днем связному до своих не добраться, кругом голая степь. Можно попытаться только ночью.

— Что же будем делать? — спросил я.

— Пока держи у себя. Подождем до темноты — в ней наше спасение, если немцы позволят нам дожить до нее.

Он достал из полевой сумки карту, перенесенную к нему по наследству от лейтенанта Мисика, карандашом сделал на ней отметку, где мы находились. Она оказалась недалеко от ориентира «Курган с отметкой два», и от него провел вдоль северо-восточной части города черту позиций «Великой Германии».

— С первой задачей, можно считать, мы справились, дали ориентир, вражеских позиций противника. Мы их уточним в следующем бою. Чтобы быстрее с нами разделаться, они вдарят по нам перед наступлением из минометов, а может, и танки подключат. Все это засекут наблюдатели, ну, а в штабе подумают, как она проходит, и перед штурмом города обработают проход авиацией и артиллерией.

— Что-то помалкивают немцы, наверное, заштрафовали, замечаю я, невольно сглатывая слюну, появившуюся после упоминания о пище.

— Куда им спешить, знают, что мы никуда не денемся, поди, отдыхают или ждут подкрепления, — сложил карту и залививая ее в сумку, отвечает мне Игорь.

Время шло, и немцы дали о себе знать. Они появились из-за подсолнухов, развернулись в цепь и двинулись на наши траншеи.

— По места-ам! Приготовься к бою! — раздалась команда Черноусова.

Зашевелились бойцы, занимая свои места в траншее. Ждали приказа на открытие огня, удобнее прилаживая оружие для стрельбы.

Немцы, растянувшись в цепь, охватывали нашу оборону полукольцом. Встреченные огнем, они стали передвигаться перебежками. Бежали, стреляли, падали, снова бежали, неуклонно приближаясь к нашей обороне.

Забыв об осторожности, я стоял в неглубоком окопе, облокотясь о бруствер, стрелял по врагам короткими очередями. В их руках чернели автоматы, извергающие встречный свинцовый дождь в нашу сторону, упившись, вероятно, перед атакой пиваном, криками они подбадривали друг друга и нахально делая на нас.

Цепь противника редела, трудно без поддержки минометов и артиллерии в полевых условиях, где негде укрыться, атаковать сидевших в окопах. В довершение с фланга ударил длинными очередями пулемет, который стал отсекал их от нашей обороны и, не выдержав его огня, они отступили. Первая атака успешно была отбита...

Воодушевленные благополучным исходом сражения, бойцы оживились и стали готовиться к новой атаке: кто диски заряжал, доставая из вещмешков положенные туда про запас патроны, кто подвешивал на ремне гранаты, проверяли оружие, кляцая затворами. Дымили остатками табака, заглушая ноющую пустоту желудка, мечтали о воде...

После первой атаки стало ясно, что противник, прощупав наши возможности, подтянет подкрепление и постарается в следующий раз расправиться с нами, пройтись по нашим костям, вдавить их в землю, чтобы наказать за наглость — вести боевые действия в своем тылу.

Смотрят на меня бойцы с надеждой — не скажет ли чего командир насчет того, когда и как будем выбираться отсюда? Я стараюсь делать вид, что не замечаю их вопрошающих взглядов, сказать-то мне им нечего, самого мучает этот вопрос, на который не могу и найти ответа. Но все же для успокоения произношу:

— Пехоты у них видимо не густо, без танков им нас не одолеть, продержимся до темноты и уйдем к своим.

— А если осветительные ракеты запустят? У немцев их много.

— Не запустят, — говорю уверенно.

— Почему? При нужде могут и запустить.

— Потому что ради нас они не станут засвечивать свои позиции, которые стараются сохранить в тайне.

— Не очень-то верю, что немец не вышибет нас до вечера из этих окопов, но верить хочется, так как другого выхода нет...

Коротая свободное время, сидели молча, каждый думал о своем.

— Жрать охота, а больше всего пить, — пожаловался Семен Зубков докуривая сигарку до конца, обжигая губы. — Может, попытаемся — прорвемся к своим, командир? — спросил он, выплюнув сигарку.

— Бесплезное дело днем прорываться, всех перестреляют. Поди, они кругом дежурных пулеметчиков навтыкали, только сунься, сразу угробят. А тут все же в укрытии, лишь бы патронов хватило до ночи дотянуть, — высказал свое мнение сержант Калинин.

Молча сидевший Савельев приподнял зашигованную голову и отрешенно произнес:

— Наше дело ждать дальнейших действий немцев, они хозяева положения, и в соответствии с ними принимать решения. Может, и дотянем до темноты, а там и попытаемся уйти. А осветительных ракет у них, возможно, просто нет или на самом деле запретили ими пользоваться, так как они при нашем наступлении их не запускали.

В воздухе, над головами, зазвенел тонкий нарастающий свист мин. Резкие короткие взрывы позади траншеи заставили всех рассредоточиться по своим местам. Засвистели осколочки; врезаясь в землю, они дырявили поверхность поля, не принося нам ощутимых потерь, так как минометы были изда лека по непристрелянным целям.

Дрожит земля от близких разрывов, вдоль траншеи метнулась упругая воздушная волна, в ушах отдалось тупой давящей болью. Край траншеи обвалился, и на том месте, где только что разорвалась мина, медленно поднималась, таяло серое облачко дыма, смешанного с землей.

Искоса наблюдаю за Черноусовым, он теперь командует ротой, отвечая за все ее действия. Чувствую, как страх охватывает и его от близкого разрыва мины, но он не прячется в окопе, продолжая наблюдать за полем. При появлении немцев, выражение лица меняется, и глазах вспыхивают властные огоньки, жестко сжимаются губы. Для него ведь это тоже боевое крещение в роли командира роты.

— К бою! — раздается его команда

Подхваченная командирами, она проходит по нашей обороне от бойца к бойцу

Сквозь грохот разрывов мин из-за подсолнухов доносится густой гул танковых двигателей. На левом фланге кто-то пронзительно закричал

— Танки!

— Приготовить гранаты!

На сильно поредевшую роту противник бросил пять танков, в том числе два самоходных орудия «фердинанд» с десантом автоматчиков. Длинная пулеметная очередь стригнула по самому гребешку бруствера. Вспыхнули фонтанчики пыли перед лицами бойцов, в окоп посыпалась земля. Вторая очередь прошла несколько выше. Злые, светящиеся шмели пули со свистом шумели над головой.

На сорок три человека, из которых многие были ранены — пять мощных, одетых в непробиваемую броню «тигров» и «фердинандов» с десантом автоматчиков — это слишком много», — подумал я, следя за действиями наших бронбойщиков, которые вступили уже в бой.

При виде двух ползущих на нас танков, упрямо перебирающих гусеницами и бегущими за ними автоматчиками, стало не по себе. Они казались не уязвимыми, да так на самом деле и было — попробуй совладай с этими чудовищами. Нужно было действовать. Сделав несколько коротких очередей по автоматчикам, скомандовал:

— Гранаты к бою!

И сам сжал в левой руке тяжелую противотанковую гранату. Раненое правое плечо при резких движениях отдавало острой болью и не позволяло замахнуться. Прижался к стенке окопа и стал ждать, когда танк, шедший под небольшим углом ко мне, приблизится. В последнюю минуту поднялся из окопа Иван Зинченко без пилотки, грязный, обсыпанный землей, что-то остервенело прокричав, бросил гранату в танк, свалившись сразу в окоп. Ударившись в башню, она скатилась и подорвала гусеницу.

Танк дернулся, задрав днище, самое свое уязвимое место, где броня была тонкой, и моя граната уже подкатилась под него. Переждав взрыв, взглянул из окопа и увидел, как из-под днища выполз язык пламени, охвативший машину.

Поднялись автоматчики и снова пошли в атаку. Вскинув автомат, дал по ним длинную очередь. Рядом размеренно и спокойно был по ним Долгих. Два передних танка уже горели,

но за ними упрямо двигались остальные машины. По автоматчикам с наших флангов били пулеметы, отсекая их от танков. Усилили и мы огонь. Стрелбия, я ничего не видел, кроме четко очерченного овала намушника и черного столбика мушки, за которыми металась серо-зеленые мундиры врага.

Придерживая рукой пилотку, в окоп свалился сержант Козлов.

— Младший лейтенант Черноусов убит! — выпалил он одним духом, прерывисто дыша.

— Как убит? — вскрикнул я, не веря своим ушам при этом известии.

Слишком трудно было поверить, что энергичного, подвижного Черноусова, с которым еще совсем недавно, мирно беседуя, обсуждали обстановку, мечтали продержаться до вечера и уйти к своим, нет уже в живых.

Как часто, порой много раз в день, даже в час, уходили из жизни на глазах своих товарищей люди в военную пору. Ты только что стоял, разговаривая, строил планы на завтра, чувствовал тепло его рук и вдруг — взрыв, свист пули, шквал осколков, короткий предсмертный вскрик, и оборвалась жизнь, нет человека...

Или в бою, в атаке, ты видишь, как рухнул на землю твой товарищ, твой близкий друг. Упал не потому что убит, — ранен. Но ты не можешь даже подумать помочь ему, потому что в атаке, в бою, ты рвешься к траншее врага и должен добежать до него и уничтожить. У тебя нет права на чувство! А лишь работа — жестокая, кровавая работа боя. Ты не можешь дать место жалости, даже видя человеческие страдания.

Слишком часто уходили из жизни люди на войне! Пострадавшие научились не показывать переживаний, держать их в кулаке, быть внешне спокойными...

Мужество и героизм проявил младший лейтенант Игорь Черноусов, бросившись на танк с гранатой. Танкист, заметив расчет бронбойщиков, ведущих по нему огонь, раздавил их на глазах роты. Будучи свидетелем расправа, Игорь выскочил из окопа и бросился к танку. Фанатик увидел русского с гранатой в руке перед самой машиной. Он на глазок прикинул дистанцию и понял, что тот в мертвом пространстве, из пулемета его не взять. Гусеницами? Только гусеницами!

Танк дернулся, но было уже поздно, в этот момент граната упала на бензобак, раздался взрыв, и машина, качнув стволом,

остановилась. Языки пламени заскользили по броне. Черноусов остался лежать на земле и больше не встал.

Бой подходил к концу; понеся ощутимые потери, немцы стали отходить. Подле окопов дымили оставшиеся два танка, еще двух подбитых с поля боя утащили «фердинанды». Глядя на отступающих немцев, я с трудом представлял себе, как роте, понесшей большие потери, удалось отбиться от врага, но то, что она выдержала и вторую атаку, было свершившимся фактом.

Солнце склонялось к западу, до спасительной темноты оставалось совсем немного времени. Дадут ли его нам фрицы или постараются добить сегодня?

Все вокруг казалось темным от перепаханной воронками и танковыми траками земли. От зелени луговины не осталось и следа. В окопах, помогая раненым, из порванных нательных рубашках, наспех делали перевязки.

Прошли уже сутки, как мы не принимали пищи, привычные к частому недоеданию, все же испытывали чувство голода, особенно тяжело на жару переносилась жажда. Всем было ясно: надеяться на чью-то помощь — бесполезно, оставалось одно, потуже затянув пояса, самим искать выход из создавшегося тяжелого положения.

Вот пришла и моя очередь принимать командование ротой в самое для нее тяжелое время. Сомнений никаких не оставалось — следующего боя мы не выдержим: слишком нас мало осталось, без оружия, патронов, раненые и уставшие, физически и морально, от постоянного напряжения боевых условий последних суток.

Бойцы на плащ-палатке принесли командира второго взвода Игоря Черноусова к дальнему окопу, где мы устроили кладбище. На скулах угас постоянно светившийся юношеский румянец, его пухлые губы, с темным шелковистым пушком над ними, поджались, глаза с резко очерченными ниточками бровей — закрыты.

Я смотрел на него, вспоминая живого, красивого, всегда бодрого, веселого, и никак не мог представить мертвым. Он бился с врагом до последних сил, и ему выпала горькая доля погибнуть так, что некому будет рассказать об этом.

И его старушка-мать, читая печальную весть с фронта о гибели сына, будет плакать, надеясь, что вдруг откроется дверь, и он войдет в отчий дом: красивый и молодой, каким

помнила его все эти годы. Она понимает, что ждать уже нечего, но продолжает ждать. И будет ждать до последнего своего часа...

А он спит вечным сном в степи под ласковый шелест колосьев и трав, далеко от дома на украинской земле и верит, что кто-то расскажет людям о героической смерти его. А у Кремлевской стены горит и в его память вечный огонь, напоминая современникам и потомкам о долге перед ним и его однопольчанами, о последних минутах прожитой жизни, о чести солдата, не вернувшегося с войны...

Похоронили Черноусова рядом с могилой лейтенанта Мисика. Прозвучал прощальный салют, и мы вернулись в траншею готовиться к последней встрече с врагом.

Рота готовилась к новой атаке фашистов, к последней, решающей, от которой зависело жить нам или умереть... Собирали на поле боя автоматы, патроны, гранаты — все, что могло стрелять и убивать врага. Запасливые немцы оставили в траншее свой боезапас патронов и гранат, который оказался для нас весьма кстати.

Собрал сержантов, чтобы совместно обсудить дальнейшие действия и перераспределить их по взводам вместо убывших. Пришли трое — все с ранениями, но еще способные воевать.

Старший сержант Суханов — командир взвода ПТР, остался с одним расчетом. Сержанта Козлова, прихрамывающего на правую раненую ногу, назначил командовать вторым взводом. На третий взвод поставил сержанта Калинина. Из под широко распахнутого ворота гимнастерки белела повязка на правом плече с бурыми подтеками подсохшей крови.

Каждый из них доложил о наличии людей и оружия под своим командованием, а также готовности взвода к отражению атаки.

Сержант Калинин вытащил из кармана броек кисть с табакеркой, медленно свернул сигарку, осторожно зинил раненой рукой, высек огонь «катюшей», подул на трут, пока не вынул слабый огонек, прикурив от него и жадно затянулся:

— Побьют здесь нас всех немцы, — выдался он из себя слова, которые не давали покоя.

— На то и война, — заметил сержант Козлов, — кого-то на ней убивают, кого-то ранят, а кто-то и цел остается. У каждого своя судьба.

— Дела, хуже не придумаешь. Залезли к немцу, а теперь думай, как выбираться. Глубоко затянувшись и медленно выпуская дым, чтобы продлить удовольствие, произнес старший сержант Суханов. Младший лейтенант, а, случаем, батальон на выручку к нам не может придти?

— Такой вариант предусматривался командиром полка, закрепиться на нашей высоте, но что-то, видимо, помешало.

Все понимает, что на выручку с нашей стороны надежды мало. Слишком далеко мы углубились во вражескую оборону. Раз с утра в наступление не пошли — значит, его и не будет.

Разговор меняет тему.

Слышь, Суханов, вы бронбойщики, народ запасливый, может найдешь, что пожевать, в брюхе пусто — кишка кишку догонит, терпения нет. Потряси сидор, вдруг, сухарик где и завалялся.

Тряс уже. Пусто, — вздохнул Суханов.

Получив приказ о дальнейших действиях, командиры отделений разошлись по своим местам. Всего-то нас к последнему бою осталось двадцать три человека. Пришлось растянуть оборону, увеличив промежутки между бойцами. Она получилась весьма жидкой и мало надежной, но другого выхода не было.

Недоумение и горькие думы у меня вызвало, почему батальон не поддержал нашу атаку и не закрепил успех захвата высоты, бросив нас на произвол судьбы. Много вопросов роилось у меня в голове, но не в состоянии был тогда на них ответить.

А произошло то, что часто происходит на войне — изменилась обстановка. Немцы к утру, подтянув резервы, спешно укрепили этот участок обороны. Рота старшего лейтенанта Вешнякова пыталась прорвать линию фронта, но не смогла, получив мощный отпор, тогда командир батальона капитан Зобачев решил отказаться от дальнейших попыток оказать помощь шестой роте.

Почему же гитлеровцы так настойчиво пытались рассчитаться с нами? Они понимали, что наша разведгруппа представляла опасность утечки информации о части, занимающей оборону на данном участке фронта. Приказом же фельдмаршала Манштейна за это полагалось строгое наказание — вплоть до снятия с должности ее командира. В связи с таким положением, наша участь быть уничтоженными была предопределена.

Между тем в штабе полка всю ночь ждали связного от лейтенанта Мисика с докладом. Комдив часто спрашивал о результатах вылазки разведчиков, но каждый раз ему докладывали, что линию обороны удалось засечь, а сведений о части ее занимающей не получено.

Комдива интересовали сведения о том, с кем ему придется иметь дело при наступлении, что за часть? Способна она только обороняться или и наступать?

В полдень снова заговорили пулеметы, затрещали автоматы. Наблюдатели сообщили в штаб полка, что разведгруппа ведет бой. Командира дивизии срочно позвали к телефону.

— Товарищ полковник, разведгруппа ведет бой.

— Какие меры принимаются для поддержки и связи с ней? — спросил Капров.

— Связи с ней нет, она окружена. Попытка оказать поддержку не удалась. Немцы ликвидировали проход в линии фронта и укрепили оборону.

— Что думаете предпринимать?

— Для наступления требуются большие силы, только полком.

— Для большого наступления время еще не пришло. Продолжайте наблюдение, действуйте по обстановке и держите меня в курсе.

Комдива все сильнее и сильнее беспокоила судьба дивизии. Разведка определила расположение обороны врага в месте прорыва. Это уже было хорошо. Можно будет провести подготовку по уничтожению огневых точек и снизить потери при штурме. Но не менее важно было знать, с какими силами придется иметь дело...

Время шло к вечеру, небо затянулось светло-голубой дымкой, жара стала спадать, и все вокруг застыло в молчаливом истоме. Утомленные за день бойцы отдыхали, в душе таилась надежда, что, может, все и обойдется, немцы сегодня не будут больше атаковать, а темная ночь поможет им оторваться от противника и уйти к своим.

Тишину нарушил отдаленный знакомый рокот немецких танков, доносившийся из-за подсолнухов, откуда они всегда и начинали атаку. Сквозь слегка помутневшие стекла бинокля, прильнув к ним, уже невидимо помятое танками, вижу, как широко расчлененной цепью, прикрываясь за брони-

рованными корпусами машины, двигались на нас немцы. Тяжело встряхивая землю, вблизи траншеи стали рваться снаряды.

— К бою! — отдал команду, продолжая наблюдение за немцами, — приготовить гранаты!

Танки стреловали на ходу, снаряды гудели над головой и разрывались позади траншеи, не причиняя нам вреда. Гул их двигателей становился все сильнее, давил на уши.

Командир! Немцы близко! Пора начинать!

Без команды не стрелять! Подпустим их поближе, нужно экономить патроны.

И опережал людей, наблюдая за наступающими немцами. Вот теперь, пожалуй, пора!

Огонь!

Сам виделся в рукоятки пулемета и большими пальцами надавил гашетку. Возле дула затрепетало рыжее пламя, пулемет затрясло, извиваясь и подпрыгивая, поползла в приемник патронная лента. Я водил стволом из стороны в сторону, и светящиеся трассы коротких очередей веером метались по зеленому полю.

Разом ударили и пулеметы на флангах, им вторил стрекот автоматов. Вражеская цепь двигалась вперед, но в ней стали просматриваться «дыры»: падали убитые, ползали раненые, ища укрытий от пуль, но на открытом поле сделать это было не просто, и новые пули их добивали.

— Экономить патроны! — крикнул я бойцам. — Стрелять прицельно короткими очередями.

Но бойцы, словно не слыша мой приказ, раскаленной струей хлестали по наступающим, выплескивая на врага свою злость. Меня ни на минуту не покидало ощущение того, что катящаяся на нас лавина, прорвет нашу реденькую цепочку и раздавит в один момент. Так не соответствовали наши силы силам врага, с тяжелыми танками в придачу.

Я пробежался по лицам бойцов глазами, стараясь понять их чувства, но не увидел на них признаков страха и растерянности. Только время от времени слышались отдельные выкрики смачных выражений русского языка.

Кончались патроны, все меньше и меньше оставалось людей, способных стрелять. Все меньше оставалось надежды, что в эту атаку нам удастся отбить. Назад к жизни пути не было. Мысль о смерти допускалась, а на самом деле не верилось в нее, надежда все еще не покидала меня.

Патроны в пулемете кончились, схватил автомат и бросил на него по наступающим немцам. Я видел, как они падали, и убитых считал.

— Патроны кончаются! — слышались крики бойцов.

— Бейте гранатами! — командовал я. Это был наш последний резерв — немецкие гранаты с длинными ручками, доставшиеся нам трофеи.

Бились в рукопашную в окопах с врагом оглохшие, израненные бойцы. У них уже не было ни страха, ни надежды, оставалось только в сознании, что нужно бить и бить врага, чтобы одолеть смерть, которую он нес им. Каждый из них знал: решается его судьба — жить или не жить, и каждый был готов на все...

Темное чудовище внезапно заслонило свет, наваясь на окоп. Тяжелые комья земли упали мне на спину, стало темно и душно. Острый запах бензиновой гари ударил в ноздри, Затаял дыхание — казалось, что меня похоронили заживо. «Все, Володька, отвоевался», — мелькнула мысль. Немного выждав, стал разгребать землю, придавившую тело ко дну окопа. Рядом выбирался из обрушенного окопа Иван Зинченко. Отплевываясь от попавшей в рот земли, поцедил сквозь зубы:

— Вот сволочи, прорвались все же!

Взглянув вдоль траншеи, увидел в нескольких шагах от себя, как морщился от боли сержант Козлов с раненой осколком рукой. Гимнастерка и брюки были густо забрызганы кровью, ее пятна рыжели даже на голенищах сапог.

Подминая траву гусеницами, медленно уходил от окопа «тигр», высматривая новую жертву. Решение пришло сразу — догнать и уничтожить. Я не испытывал страха, шагал из окопа с гранатой в руке, чтобы догнать машину и уничтожить. И тут увидел, как к танку перебежками подпрыгивает ефрейтор Симонов с бойцом Расуловым. Услышав в руке гранаты, бросился на землю, почувствовал ее содрогание и свист осколков над головой. Но танку пополнили и плаки пламени, и клубы дыма взметнулись вверх.

Сделав несколько шагов в сторону окопа, услышал, как в танке стали рваться снаряды, жаркая волна пошла кзади, что-то тупое ударило в поясницу, бросило на землю, и перед глазами все поплыло, подернулось туманом, швырнуло в небытие...

Через некоторое время стал приходить в себя, голова словно набита ватой, острая боль от поясницы пронизывает левую

ногу. Сквозь серую пелену в глазах различаю в небе светлое пятно солнца. Жив! Пытаюсь встать на ноги, но резкая боль бросает меня снова на землю. От нее темнеет в глазах, замираю, боясь пошевелиться, и так долго лежу, пока боль не стихает.

Левой рукой пытаюсь нащупать рану, она огромная — больше ладони, а в центре что-то торчит твердое с зазубринами на конце. В голову приходит, что это осколок, пытаюсь его вытащить, цепляясь за него грязными от земли пальцами в кровотокающем мясе своего тела. Несмотря на все мои усилия, осколок не поддавался им и даже не пошевелился. Устав от этих действий, бросил свои попытки и затих...

Впоследствии, в медсанбате узнал, что мнимый «осколок» оказался разбитой при ранении моей собственной подвздошной костью, которую я и пытался вытащить, но, к своему счастью, не смог этого сделать.

Как много раненых во время войны погибало от гангрены или столбняка, в результате загрязнения ран землей, а тут копался в кровоточащем месиве своего тела темной от окопной грязи рукой, впоследствии неоднократно пересыпало его черноземом от взрыва мин и снарядов, припекало горячими лучами солнца в течение нескольких суток, — все это тоже одно из чудес, которые помогли мне избежать неминуемой смерти, пока я добирался до своих.

Бой затих. Наступившая мертвая тишина зловеще напоминает, что испытания еще не кончились, а начинается их новая полоса, которую нужно, найдя в себе силы, еще пережить. Траншея на высотке после боя представляла собой ужасное зрелище: обвалившиеся ее стенки присыпали убитых в ней, на поверхности изрытой луговины тоже трупы вперемежку наших и немецких солдат. Среди них раненые своими стонами подавали о себе знать.

А рядом, как память о минувшей битве, застыли пять почерневших от гари «тигров» и одно самоходное орудие «фердинанд». Они нашли свою могилу в изрытой воронками снарядов и мин украинской земле под Ахтыркой.

Крепче крупновской стали оказались воины шестой роты второго батальона семьсот восемьдесят шестого полка сто пятьдесят пятой стрелковой дивизии, сражавшиеся в окружении, без пищи и воды до последнего патрона. И все полегли, выполнив свой долг.

Я лежал среди убитых, стараясь не подавать признаков жизни, так как по полю ходили немецкие солдаты из похоронной команды, выискивая своих раненых и убитых, которых они выносили к машинам. Иногда слышались одиночные выстрелы или короткая автоматная очередь, добивающая наших раненых.

Недалеко от меня стонал боец с осколочным ранением в живот. Подошедший к нему немецкий солдат склонился над ним, участливо покачал головой, и ткнул его кинжалом в грудь. В моих ушах раздался пронзительный, предсмертный стон: «А-а-а-а!»

Наблюдая за происходившим, я увидел приближающуюся ко мне высокую фигуру поджарого немца, с кобурой на широком ремне и белой бляхой, в середине которой орел, а по окружности надпись: «Гот мит унс» («Бог с нами»). Проходя мимо меня, вероятно, решил, что русский уже мертв и пошел дальше. «Пронесло», — вздохнул я с облегчением, смотря в удаляющую спину фрица.

Но, оказалось, рано я радовался, все самое страшное было еще впереди. Немец, словно почувствовав мой взгляд, повернулся в мою сторону, расстегнул кобуру, неспеша извлек из нее «Вальтер». Черный зрачок ствола глянул в мои глаза. Выстрела я не слышал, пуля долетела быстрее, оборвав мое сознание и кинув меня в темную бездну небытия...

Придя в себя, почувствовал струившуюся по лицу кровь из раны, чуть выше правого виска. Стерев пилоткой кровь с лица, прижал ее к ране, чтобы остановить кровотечение.

Если посчитать еще два осколка, засевших в левом бедре, то это было седьмое ранение за сегодняшние сутки, проведенные в разведке. Пуля по какой-то случайности, стреляя то немец с близкого расстояния, пошла рикошетом по голове, контузив меня.

Между тем, немцы, закончив свои дела, покинули поле. Нужно было, пока они не вернулись, чтобы захоронить трупы наших солдат в разбитых окопах, скорее же нужно укрыться. Сделать это можно было только в шиповнином поле, располагавшемся недалеко.

Нужно доползти до него и проверить свои возможности, как добраться до своих. Мной овладело яростное желание жить и именно оно руководило мной во все последующее время, пока я добирался до родного батальона. Медленно, преодолевая

боль, дополз до густой высокой пшеницы и схоронился в ней. Гасли светлые облака на небе, затягиваемые темной пеленой вечерних сумерек, и мрак августовской темной ночи опустился на землю.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ И ДОЛОЖИТЬ

Мертвая тишина повисла над полем сражения, где еще недавно гремел бой, все позади, нужно думать, как добраться до своих, выжить и выполнить вторую часть задания — передать сообщение о том, что на пути наступления дивизии стоит главный враг. Сделать все это необходимо до утра 15 августа, до начала наступления, потом будет поздно...

Ползти было мучительно трудно: бездействовала раненая в плечо правая рука и левая нога, при напряжении которой острой болью отдавало в разбитую поясницу. Приходилось только использовать в полную силу правую ногу и левую руку, такими темпами передвигаться будет весьма трудно. Но надо жить и выполнять приказ...

Сколько было до своих, трудно сказать. Но расстояние измерялось километрами, которые могли оказаться непосильными для меня.

Надо ползти, надо жить! Другого не дано.

К середине ночи тьма стала еще плотнее. Впереди ничего не видно, полз, используя интуицию, которая подсказывала мне направление. Оно оказалось правильным. Скоро я мог это проверить по внезапно начавшейся правее меня перестрелке. С нашей стороны била артиллерия, ей отвечали немецкие минометы.

Все утро мое переполнено событиями дня: небывалыми нервным напряжением, болью потерь. Точно не со мной все это случилось, а с кем-то другим. Рота полностью выполнила свой долг, вступив в бой, вызвала огонь на себя, заставив противника обнаружить свои огневые точки и линию обороны.

Все, что было в моих силах, сделал и я: после ранений остался в строю, хотя ночью существовала еще возможность добраться до своих через линию фронта, продолжал командовать взводом, подбил танк и в заключительный, самый тяжелый период боя, командовал ротой, вернее тем, что осталось от нее.

Усталость, вызванная необходимостью двигаться, волнами накатывалась на меня, хотелось лежать без движения и ждать, когда наши пойдут в наступление и подберут, но сила ответственности, желание вовремя доползти до своих и передать офицерскую книжку немца командованию дивизии, заставило забыть о своей немощи, прибавило силы и гнало вперед.

На рассвете я дополз до края поля с росшей на нем пшеницей, далее она была сжата и снопы, ровными рядами заполняли его, уходя в даль. Укрываться от посторонних глаз в снопах на голом поле будет сложнее, чем в пшенице, решил я.

После кратковременного отдыха почувствовал какое-то беспокойство, внутреннюю тревогу, которая гнала меня вперед, на поле со снопами. Разум подсказывал остаться в пшенице, в которой лучше было спрятаться, а чувство самосохранения настойчиво гнало вперед на поле со снопами. Поддавшись ему, пополз вдоль кромки поля, подальше от оставленного мною следа — примятой пшеницы — и метров через двадцать, совсем обессиленный, забрался в ближайший сноп, притрусив торчавшие из него ноги соломой.

Крепкий сон быстро придавил меня, заставив позабыть о всех невзгодах прошедших суток. Проснулся внезапно, словно от толчка, с каким-то тревожным чувством на сердце. Открыл глаза, увидел над собой светлое безоблачное небо, кругом все было тихо и спокойно. Все же пробуждение мое от сна казалось не случайным, какая-то внешняя причина, не осознанная разумом, прервала мой кратковременный отдых.

Под бешенный стук сердца я слушал и ждал. Внезапно с ошеломляющей ясностью почувствовал, с какой стороны идет опасность: она надвигалась от пшеничного поля, откуда я приполз. Посмотрев туда, пришел в ужас. Развернувшись в цепь, ко мне молчаливо приближались немцы. Они прорывали поле в поисках кого-то, возможно и меня, обнаружив пропажу документов у унтер офицера, а следка примятой пшеница, указала им след.

Молодые, рослые, с засученными по локоть рукавами мундиров серо-зеленого цвета, в сапогах с подковками и короткими голенищами, шли не спеша, готовые в любой момент открыть огонь из автоматов, темневших в их руках. Расстояние сокращалось с каждым шагом, а я не знал, что предпринять в своем плачевном состоянии, лишенным возможности быстро передвигаться.

Безысходность сложившейся ситуации давила, сердце захлебывалось от частоты ударов, тупо стучало в висках, тело, испытывая нервное напряжение, сжалось, словно ожидало удара. Они уже совсем близко, подходят к бровке пшеничного поля, остаются считанные метры до моего снопа. На левом фланге прямо на меня шел молодой офицер, перетянутый широким кожаным ремнем с кобурой на левом боку.

По случаю или судьба опять неожиданно пришли мне на помощь, резко изменив ситуацию.

Внезапно услышал крик фельдфебеля, бежавшего к офицеру с правого фланга немецкой цепи и усиленно махавшего рукой, чтобы привлечь к себе внимание. Офицер и вся цепь остановились. По-видимому, это был лейтенант с бледным продолговатым лицом, типичный представитель арийской расы. Его серые глаза под светлыми бровями, казалось, постоянно таили в себе скрытую угрозу. Выставив вперед правую ногу в лакированном остроносом сапоге, он спросил фельдфебеля:

— Вас ист дас (что там такое)? — в уголках губ появилась жесткая морщинка, выражающая недовольство.

— Мине! Мине! — показал тот рукой на сжатое поле.

Я понял, что лежу на заминированном поле, и навряд ли немцы рискнут вступить на него — в этом было спасение. Но близость к ним все же тревожила, ведь до этого лощеного офицера всего-то несколько шагов. Достаточно одного чиха, чтобы меня обнаружили. Такое соседство ничего хорошего не сулило, но, как говорят, «соседей не выбирают», так было и на этот раз.

Написав донесение, офицер с посыльным направил его своему начальству. После чего приказал фельдфебелю солдатам дать отдых, они моментально исчезли с моих глаз, растворившись в пшенице. Офицер, немного похаживая по кромке поля, тоже последовал их примеру. Таким образом, в соседстве с гитлеровцами мне пришлось провести весь день, постоянно находясь на чеку, чтобы не выдать своего присутствия.

Время от времени вдоль кромки поля прохаживался дежурный, который, к моему счастью, смотрел вдаль, не обращая внимания на то, что у него делалось под ногами. Однажды он неторопливо прошел к соседнему со мной снопу, чуть было не задев за мои ноги, рассеянно посматривая по сторонам и мурлыкая себе под нос песенку, расстегнул ширинку и сделал то, что собирался сделать.

Вышел размяться и офицер в фуражке с высокой тульей, снял ее, тщательно причесал волосы и снова одел на голову. Осмотрел в бинокль поле, потоптался на месте, разминая затекшие ноги, потянулся. Ленивым движением скучающего человека достал портсигар, сунул в рот сигарету и, прикурив от зажигалки, стал прохаживаться вдоль бровки поля.

Мне не давала покоя мысль: «Почему они здесь застряли? Скоро ли уберутся восвояси?» Их соседство ничего хорошего не предвещало и было весьма опасным. Вели себя тихо, вероятно, отсыпались, пообедав сухим пайком.

Наступил вечер, солнце скрылось за горизонтом и неумолимо приближалась темная ночь. Скоро нужно будет начинать движение, а как это сделать, находясь рядом с немцами? Любое мое перемещение вызовет шум, шелест и хруст соломы в наступившей тишине. Они вызовут тревогу, и тогда конец моим переживаниям после автоматной очереди.

Но все же нужно действовать, рисковать. А риск? Что риск в моем положении? Каждый мой шаг в последнее время представлял из себя сплошной риск. Впереди меня ждет тоже риск — ползти по минному полю, которое в любой момент может разнести тебя в клочья. Но другого выхода не было.

Медленно, стараясь не уронить случайно сноп, не шуршать соломой, стал выбираться из укрытия. Выбравшись, не прорываясь со своими соседями, с которыми вынужденно провел весь день, двинулся вперед.

О немецких противопехотных минах мне было кое-что известно. Взрывались они даже при легком надавливании на них. После установки, оставался след — слегка взрыхленная земля, а так как я не шел, топая по земле сапогами, а, передвигаясь ползком, прощупывал перед собой землю и только после этого еще на один шаг приближался к своей цепи, то у меня имелись некоторые условия обеспечения безопасности.

Так, метр за метром, оползая подозрительные места, мне удалось благополучно миновать минное поле и добраться на луговину. Преодолев его, я вздохнул с облегчением, что сумел вырваться из мышеловки и оторваться от немцев в создавшейся непростой обстановке.

К полуночи передовая оживилась. Где-то правее меня была наша артиллерия, слышались залпы немецких минометов, автоматные и пулеметные очереди с обеих сторон время от времени давали знать, что не дремали солдаты в окопах. В темном

небе стали появляться ракеты, с легким хлопком они раскрылись в огромные световые зонты, освещая ярким светом окрестности.

По моим расчетам, до линии фронта немцев оставалось не так уж и много, об этом можно было судить и об осветительных ракетах, пускаемых немцами. Нужно было осмотреться и сориентироваться на местности и подумать, каким образом преодолеть ее. Вопрос для меня мог оказаться непосильным, если у них тут окажется сплошная оборона.

Легкий ночной ветерок принес запахи свежевырытой земли, еще не успевшей просохнуть на солнце. Следовало при очередной ракете внимательнее обследовать визуально лежащую передо мной участок поля. Как преодолеть вражескую оборону, пока я не имел о ней никакого представления — надеялся на «авось».

Ждать пришлось не долго. В небе раздался характерный звук — точно из бутылки с шампанским выбило пробку, взлетела ракета, залив все вокруг ярким светом. Приподняв голову, осмотрелся: передо мной расстилалось заросшее травой ровное поле. Неожиданно над головой засвистели пули, сопровождаемые характерным перестуком пулемета, заставившие быстро вжаться в землю.

Только сейчас до меня дошло, что фашисты совсем рядом. С двух сторон летели ко мне разноцветные — белые, красные, зеленые — светлячки, смыкаясь над моим распластанным на земле телом, дырявя вещмешок, немного выступающий над ним. Пулеметы били кинжальным огнем, и жив я еще был только потому, что попал в «мертвое» пространство.

Погасла осветительная ракета, тяжелый мрак накрыл землю, немцы расстреляли до конца свой боезапас и утихомирились. Мое положение было весьма опасным, немцы оказались совсем рядом, и я чуть не влез в их расположение, так как вели они себя тихо, по всей видимости, спали, что обычно и делают нормальные люди в ночные часы.

Несмотря на пережитые неприятные минуты — побывал под перекрестным огнем пулеметов — я все же моим расстрелом остался доволен, так как теперь узнал, где та спасительная «дырка», через которую смогу пересечь линию фронта. Дело в том, что пулеметы обычно устанавливали на флангах подразделений для их усиления, следовательно, проход для меня лежал, как раз между двумя огневыми точками.

Собравшись с силами, двинулся в путь по известному мне теперь маршруту. Проползая мимо окопа, заметил пулемет и двух фрицев около него, куривших сигареты. Из любопытства я приостановился, наблюдая за ними. Дым от сигарет доходил до меня, щекотал ноздри, и стоило только чихнуть или кашлянуть, как тишина ночи взорвалась бы треском автоматных и пулеметных очередей.

Один из солдат, выплюнув сигарету за окоп, достал губную гармошку, и в ночной тишине зазвучали тоскливые звуки одной из любимых песен немецких солдат: «Лили Марлен, как лед холодна...» Далеко в стороне взметнулась в небо ракета, коротко рыкнул пулемет, и опять все затихло.

Не стоило больше искушать судьбу — лежать под самым носом у гитлеровцев и слушать их музыку. И я двинулся дальше к «ничейной земле», лежащей между двумя оборонительными линиями — нашей и немецкой.

Главным теперь было — хватит ли сил проползти последние метры, отделяющие меня от своих рубежей. Шли третьи сутки моих испытаний: тяжелый бой, последующие контратаки фашистов, ранения, и все это в условиях отсутствия пищи и воды. В постоянном напряжении, когда жизнь висела на волоске, а нервы сжимались в комок, и не было им покоя.

Есть же где-то предел человеческим силам, и они приближались у меня к нему, когда все становится не нужным, по является безразличие и желание прекратить борьбу за дальнейшее существование...

Но яростное желание жить придавало мне новые силы и передвигаться вперед. Сколько было до своих — сто, двести, триста метров?..

Я не знал. И продолжал ползти...

Прополз несколько метров и потерял сознание. Очнувшись. Страшно хочется пить. Во рту пересохло, губы потрескались. Слизываю с травы капельки росы, жжду, когда полечит.

Надо жить, надо ползти!..

Темная ночь обманчива тишиной и спокойствием на фронте. Словно ни души нет на многие километры, вокруг — ни огонька, ни звука. Но как много глазорко нема гримасит сейчас в темноту, сколько ушей настороженно слушает тишину. Спят солдаты в траншеях, землянках, под кустиками, разбросанными вдоль луговины полей. Но армия не спит, она готова в любой момент встретить врага...

Уже не помню, в который раз я теряю сознание. И немного отдохнув, вновь обретаю его. И прихожу в себя. Я твержу как заклинание: «Я должен ползти и жить!..»

Но где же наши? Почему их так долго нет?

Снова терплю сознание и прихожу в себя от чьих-то осторожных шагов. Миню проскользнула, словно тень, фигура человека. Кто он? Свой или чужой, в темноте мне не удалось определить.

Затяну дыхание, прислушиваюсь, но шаги прекратились. Потонуло знакомым дымком нашего табачка, который не спускаешь с восточными сигаретами немцев. До уха долетел шепот русских слов. «Наши», — решил я. Нужно позвать на помощь.

Помо-ги-и-и-те! Свой! Я свой!.. Ра-а-ненький!

Это самая длинная ночь в моей жизни... Скоро рассвет.

Помо-ги-и-и-те!.. Свой! Я свой!.. — Снова в ночной тиши прозвучали жалобные слова о помощи.

Не спали бойцы на постах, неся свою службу в подразделениях. Не спали в боевых дозорах, выдвинутых вперед на нейтралку перед боевыми охранениями. В одном из них дежурил боец Семушкин и ефрейтор Щеглов.

Толкнув Семушкина, Щеглов потянул его за рукав ближе к себе и, подняв палец, шепнул:

— Слышь? Кто-то голос подает.

Семушкин повертел головой, вглядываясь в сумрак ночи. Кругом обманчивая тишина переднего края, где-то в стороне прозвучал немецкий пулемет и замолк.

— Помо-ги-и-и-те! Свой! Я свой! — снова послышался голос. И в той стороне, в сумраке близкого рассвета, заметил едва заметный бугорок — похожий на силуэт лежащего человека.

Силантий щелкнул затвором автомата и приготовился стрелять по нему.

— погоди — положил ему руку на плечо Щеглов. — Не спеши, там, похоже, один всего. Надо разобраться.

— Иди ты, — отмахнулся Семушкин, поудобнее прилаживая автомат.

— Да, погоди же, — не дал ему выпустить очередь Щеглов.

Заманивают... Немецкая разведка, поди. И одного срежем!

Может, перебежчик? Надо бы проверить.

Силантий снял палец со спускового крючка, вглядываясь в темноту.

— Не стреляйте, раненый я!.. — донеслось до него

— Слышь, Силантий пойду проверю, а ты, если что, под страхуй меня.

Держа автомат наготове, Щеглов шагнул в темноту, откуда да снова послышалось:

— Помо-ги-и-и-те! Не стреляйте!..

Силуэт человека с автоматом приблизился ко мне. Послышались негромкие слова:

— Вставай, стрелять буду.

— Не могу встать. Раненый я. Не стреляй.

Щеглов в темноте не мог рассмотреть: раненый перед ним или притворяется. К тому же его смущала моя правая рука, вытянутая вдоль туловища, под ней могло оказаться оружие, а это уже было опасно.

И он решил не рисковать.

— Вставай, говорю, или стреляю, — повторил Щеглов и направил для устрашения ствол автомата на мою голову.

Я понимал его — трудно поверить ночью человеку, приползшему с немецкой стороны. Чтобы определить — раненый перед тобой или нет, нужно посмотреть поближе, наклониться, а тебе нож в горло. Раз приказ не выполняет, проще пальнуть и концы в воду. Отвечать не придется — действовал по обстановке.

Но, какие-то сомнения у него все же были, человек он рассудительный, не в пример Силантию, сначала подумает, а потом только сделает. И тогда он решился на последний шаг в переговорах со мной.

— Предупреждаю, — сказал он, — считаю до трех, не встанешь — стреляю. Понял меня?

— Чего уж тут не понять. Но встать, то и как раз и не могу, потому что ранен. Посмотри сам, если не веришь.

Этого-то ему и не хотелось делать — оказаться в опасном для себя положении. Выбор условий был за ним, и он перешел к счету.

— Раз!.. — выдохнул он. Немного помедлив, продолжил:

— Два!

Обстановка сложилась критической, и выхода из нее я не видел. Жизнь висела на волоске, а помирать, от пули своих, после пережитых испытаний, такого конца ожидать никак было нельзя. Неожиданно во мне вспыхнуло чувство возмущения, обиды и злости, которые и вывели меня наружу за какие-то

последние в моей жизни мновения на одном дыхании. Выдал все, что думал о нем и его родителях тем особым разговорным языком, распространенным в русском наречии, способным при помощи нескольких непечатных слов доходчиво донести суть любой информации до любого смертного и выразить самые сильные эмоции, особенно во фронтовой обстановке.

Смачные слова русского мата быстро дошли до ума дозорного Щеглова, ствол автомата в его руках дрогнул и стал опускаться вниз.

Кажется, свой! Вот те, на! Прости, браток, не разобрался и хотел пустить тебя в расход. Грех бы на душу взял, — смущенно произнес он, склонившись надо мной. Привычными к темному глазами, я смог разглядеть немолодое, обросшее щетиной небритых волос лицо ефрейтора Щеглова.

Куда тебя садануло? — участливо спросил он.

Указав на рану, попросил дотащить меня до санбата на плац-палатке.

— Дотащим. Тут недалеко деревня, а из нее довезут до следующей, где полковой медпункт, — всунул в разговор, подошедший Силантий, с интересом смотря на меня.

Но неожиданно обстановка резко меняется, притом не в мою пользу. На мой мат, громко прозвучавший в ночной тиши, мгновенно среагировали немцы, подумав, что русские что-то затевают — может, наступать собрались, и в направлении моего голоса открыли минометный огонь.

С их стороны раздались вой и шипение, небо прорезали светящиеся полосы. Это ударили немецкие реактивные минометы, прозванные нашими солдатами «скрипухами» за неприятное поскрипывание при стрельбе. Они похожи на огромный револьверный барабан, расположенный на паре автомобильных колес. «Скрипухи» методически обрабатывают поверхность обстрела, не оставляя ни одного «живого» места земли.

При первых звуках минометов дозорных как ветром сдуло в подготовленные ими ячейки. А я остался лежать на голом поле без всякого укрытия, оставленный на волю случая. Надо мной шумел железный ветер осколков от мин, рвавшихся повсюду на поле. Они падали густо, отдавали жаром, серной вошью, воздух наполнился пылью, смешанной с едким дымом.

Время от времени открывал глаза и видел вокруг себя земляное крошево, оставшееся после взрывов. Широко раскрытым ртом пытался побольше ухватить воздуха, а с ним заглатывал

и едкую, пропитанную взрывчаткой, землю. Рука нащупывала рядом с телом небольшие горячие осколки мин. Они жгли пальцы, ладони, тогда подбрасывал их в воздух, чтобы не обжечься. Выбрасывал и брал новые, такие же горячие, играл ими, занимая время. Я не испытывал страха...

Кто был на войне — именно на войне, в боях, тот знает что в определенные моменты наступает обострение чувств или безразличие к своему физическому «Я» в связи с большим переутомлением. Наступает момент, когда солдат перестает реагировать на свист пуль, разрывы снарядов и мин, думать о том, ранят его или не ранят, убьют или не убьют.

В таком состоянии человек не думает ни о себе, ни о жизни, ни о смерти. Так было и со мной. Я не испытывал страха и смотрел на разрывы мин, как сторонний наблюдатель.

Мины продолжали падать, разрывая осколками стонущий и визжащий от них воздух. Плотный и густой дым тола и пороха, перемешанный с пылью, стлался по избитой земле. Я задыхался от дыма и пыли, почти оглох от грохота взрывов, и удивлялся только тому, что вокруг моего тела осколки нагусто усеяли землю, не задевая меня...

Наши на огонь противника не отвечали и, постреляв еще немного, немецкие минометчики успокоились. Ночное небо светлело, на востоке загоралась заря, и солнце медленно вылезало из-за горизонта, освещая землю теплыми лучами.

Я смотрел на появляющееся светило и вдруг с нескрываемым наслаждением подумал, что выдержал, победил! Несмотря ни на какие препятствия, добрался до своих, и теперь все будет в порядке.

Мне вспомнились слова Ильи Эренбурга: «Кто скажет, что победа летает? Она ползет, измученная, вся в крови и шлани, и все-таки это победа!» Точные слова, имеющие прямое отношение ко мне.

— Ты еще жив? — раздался удивленный голос ефрейтора Щеглова. — Как тебе удалось уцелеть на голом поле, без укрытия, после обработки его «скрипухом»? Крутом все перепахано минами, а тебя даже не задело? Ты, что, заговоренный?

— Сам удивляюсь, осколки сыпались со всех сторон, но ни один не задел.

Бойцы действовали быстро и умело. Расстелили плац-палатку, уложили меня на нее и, ухватив за передние концы, предупредили:

— Держись крепче за край, чтобы мы тебя случайно не потеряли. Будем шагать перебежками до рощи, и потерпи, если немного потрясет. У него здесь все пристреляно, увидит — накроет нас на голом поле из минометов.

Приподнявшись, сделали рывок метров на десять — залегли. Таким образом, добрались до рощи. Отдохнув, дотащили до деревни и зашли в одну из хат. Положили на лавку около стола, а сами пошли искать санитаря.

В хате никого не было, жители, вероятно, покинули ее и где-то пригались. В настезь открытым окне, выходящем в сад, покачалась голова в артиллерийской фуражке. Молодой младший лейтенант, с голубыми глазами и румянцем на неуспевшем потемнеть от загара лице, по-видимому, недавний выпускник училища, так как его обмундирование не успело еще обветшеть и выгореть на солнце, с любопытством посмотрел на меня и спросил:

Тебе, может, чего надо?

— Принеси воды, три дня не пил.

— Сейчас, мигом доставлю, — последовал ответ.

Голова исчезла в проеме окна. Через некоторое время появилась снова, в руках он держал два котелка, поставив их передо мной, спросил, глядя на темные пятна подсохшей крови:

— В бою были? Здорово тебе досталось, все в крови.

— В разведке боем, за линией фронта, рубеж обороны города прощупывали. Вызвали огонь на себя, там всю роту и положили, вот только я один и уцелел.

Вода была холодной, видно, из колодца, напился до отвала, промочил рот и горло. А вот гречневая рассыпчатая каша во втором котелке не пошла, несмотря на то, что трое суток крошки во рту не было, только поковырял ее ложкой и отодвинул котелок, вероятно, больной организм не воспринимал пищу.

В хату вошел санинструктор, пожилой старшина из нашего полка, осмотрев рану, он вздохнул и признался, что перевязать ее не сумеет, уж слишком велика, и повязка держаться не будет. Придется потерпеть до санбата, который находится в соседней деревне, а повозку он мне организует без промедления.

Взав с места в карьер, бойко катила наша двуколка по проселочной дороге через поле к видневшейся вдали роще, за которой и находилась деревня с медсанбатом и полковым

медпунктом (ПМП). Погоняя лошадь, постегивал ее вожжами пожилой возница в сдвинутой на ухо помятой пилотке. Бежало навстречу пожелтевшее от нещадного солнца травянистое поле.

Где-то сзади, совсем близко, дважды грохают разрывы мин, осколки с визгом проносятся рядом. Противник заметил нашу двуколку и решил наказать. Над головой с визгом проносится мина и рвется впереди, близ дороги, Ездовой, пристав в двуколке, понукает лошадь, размахивая над головой вожжами, бьет ее ими. Она прибавляет ходу, двуколку сильнее затрясло на колдобинах дороги. Острая боль разливается по телу. Не в силах больше терпеть, громко ругаюсь, отводя душу.

— Терпи, младшой, скоро и роща, а там потише поедем. Здесь у него все пристреляно, вкатит невзначай, не обрадуешься, — успокаивает меня возница. Грохоча колесами по выбитой колее, двуколка проскакивает обстреливаемый участок и влетает в березовую рощу.

Ездовой придерживает тяжело дышащую от быстрого бега лошадь, теперь можно ехать и потише, противник за деревьями потерял нас из вида и замолкает. Въезжаем в деревню и останавливаемся около дома, в котором находится санчасть. Здесь медсестра делает мне укол от столбняка, вводя противостолбнячную сыворотку, и сразу направляет в операционную.

Операционная помещалась в одной из хат, в которой в свободной от вещей комнате стояли два стола, накрытые белыми простынями со следами крови на них. На одном лежал небольшого роста молодой боец, на другой положили меня. Около стола с бойцом стояли две женщины в белых халатах. Одна из них — хирург полка, военврач третьего ранга, капитан Дорофеева Зоя Захаровна, вскрыв живот бойца, искала в нем пулю, а молоденькая стройная девушка, медсестра, помогала ей в этом.

Ранения в живот считались опасными, так как быстро начинались нагноения, счет шел на часы, и человек погибал, если ему вовремя не была оказана медицинская помощь. На передовой же добраться до ПМП было не простым делом.

Тяжелыми и опасными, ведущими к заражению гангреней, считались раны большие, с рваными ушибленными краями, с поврежденными костями. Именно такая рана и была у меня, по всей вероятности, не от осколка снаряда или мины, а от

разрывной пули, разорвавшейся от соприкосновения с поясным ремнем.

В результате разбито подвздошную кость и образовалась большая глубокая рана размером 15 на 20 сантиметров. В ней-то я и копался сторгова грязной рукой, пытаюсь извлечь мнимый «осколок», который в действительности оказался моей собственной костью.

Мне впервые пришлось оказаться в такой необычной обстановке, и с любопытством наблюдал за операцией, проходившей рядом со мной за соседним столом. После того, как пуля была найдена, разрез принялась зашивать медсестра, а врач направился к умывальнику, висевшему в углу комнаты, мыть руки.

Хирург осторожно, влажной ваткой смывает кровь с моего лица и тоже делает с раной на пояснице. Она внимательно осматривает ее.

Затем спрашивает:

Когда ранило и чем?

— Уже третьи сутки пошли после ранения.

— А где же ты был все это время?

— За линией фронта меня ранило, в разведке, пришлось ночами ползти. Еле добрался, совсем обессилел.

— Зацепило тебя, дружок, основательно, кость раздробило, еще чуть правее, на сантиметрик — задело бы позвоночник, а он таких прикосновений не любит, — говорит она сочувствующим голосом.

Надавливая вокруг раны пальцами, спрашивает:

— Больно?

Отвечаю утвердительно. А вот вся поверхность левого бедра, где засели два осколка, словно не живая — ватная, чувствительность полностью отсутствует.

Обращаясь к медсестре, говорит:

— Вот видишь, двое суток полз.... Последствиями могут быть и заражение крови, и гангрена, и столбняк...

Подойдя к белому шкафчику со стеклянными дверцами, стоящему у стены, где находились лекарства и инструменты, она покопалась в нем и вернулась к столу с большими длинными ножницами, какие мне раньше приходилось видеть только у портных.

Тут-то и началась моя первая в жизни операция, причем без наркоза, о которой потом я долго буду вспоминать с содроганием. Ножницам она стала обстригать омертвевшие края моей раны, причем стригла по живой плоти моего тела.

Не в силах сдерживать боль, при очередной обработке раны, я издавал громкие звуки, а она так спокойно повторяла: «Все, все, все... Потерпи еще чуток, немного осталось».

И все начиналось с начала. Она стригла, а я сквозь зубы, стараясь сдержаться, издавал громкие нечленораздельные звуки.

После операции на рану наложили тампон и сделали, наклейку, так как для повязки место было неудобное. Процедура, может быть, длилась и не долго, но запомнилась мне на всю жизнь.

Санитары на носилках вынесли меня из хаты и переложили на телегу, с которой возчик предварительно смахнул солому, лежащую подле. На голых досках лежать было не совсем удобно и, подозрительно посмотрев на него, я спросил:

— Ты, что это с телеги всю солому поскидал?

Возчик, занятый подготовкою к куреву, спокойно посмотрел в мою сторону, не торопясь высек огонька из «катюши», прикурил и только тогда ответил:

— Ты не обижайся, командир, что солому поскидал, для тебя же старался, только что отвозил сержанта, раненого в ногу, а у него, нога-то, тово, темнеть стала, не иначе, как гангрена — штука опасная, на тебя перейти могла. Вот я и решил поостеречься, сбросить соломку, а другой нет.

— Тогда дело другое, все правильно сделал, какая никакая, а все же профилактика. И на том спасибо, — поблагодарил и возчика.

В пустой комнате хаты, куда меня отвезли, вдоль дальней стены на полу набросана солома, на которой дремали двое бойцов, прикрывшихся шинелями. Одним из них был тот самый боец, мой сосед при операции, я оказался третьим в их компании.

Устроившись поудобнее на соломе, снял шилотку и стал ее внимательно рассматривать. Против дырки от пули в шилотку была воткнута иголка, которая оказалась согнутой в большую дугу. Она не давала мне покоя: «Иголку так не согнешь, она должна лопнуть. Вероятно, пуля попала в нее, от удара она нагрелась и одновременно согнулась, а пуля, скользя по ней, меня контузила. Иголка спасла жизнь».

К такому выводу я пришел в конце концов после своих рассуждений и успокоился с решением этой проблемы.

В спокойной обстановке вспомнились все события последних дней и ночей. Трижды меня расстреливали в течение этого

времени. Немецкий офицер из Вальтера с близкого расстояния стрелял почти в упор, но пуля прошла по голове касательно. Пулеметчики кипжальным огнем с близкого расстояния решетили мой сидор на заборке. Здесь, пожалуй, их близость и помогла мне остаться живым, находясь в «мертвом пространстве». Наконец, свои под свет — раз, два... чуть не отправили на тот свет, если бы договорились русский язык вовремя не вразумил их.

Даже не три, а четыре — немецкие минометчики, сориентировавшись на мое краткое обращение к дозорным, тоже били по мне персонально. И все-таки, несмотря на все безвыходные смертельно опасные ситуации, я продолжаю жить.

Тут то и вспомнился мне странный сон перед разведкой. Мать словно предвидела все превратности, которые должны будут случиться со мной в предстоящие дни и, взяв меня за руку, не хотела отпускать, пока я не пообещал ей исполнить ее просьбу и вернуться домой. Теперь, после ранений, это обещание становилось более реальным...

После всех первоочередных дел, связанных с медициной, пора было подумать о том, кому и как передать офицерскую книжку немецкого унтер-офицера. Поблизости никого не было, кого бы я мог попросить об этом.

Ждать долго не пришлось. Как говорится, «на ловца и зверь бежит», так случилось и на этот раз. В хату вошел майор, быстрым взглядом окинул помещение и решительно направился ко мне.

— Вы из второго батальона и были в разведке? — спросил он.

Я утвердительно кивнул головой и с любопытством посмотрел на него.

— Я начальник разведки дивизии и хотел бы с вами поговорить, чтобы уточнить некоторые детали полученных нами данных о противнике.

— Спрашивайте, слушаю вас.

— Вам удалось установить наименование части, с которой вступили в бой?

— Бой мы вели с гренадерским полком моторизованной дивизии «Великая Германия».

Откуда вам стало об этом известно и есть ли какие-нибудь подтверждения сказанному вами?

Есть и подтверждения, в виде документов. На этот случай я прихватил офицерскую книжку. — Достав из карма-

на гимнастерки офицерскую книжку унтер-офицера Курта Виммера, я передал ее майору.

Внимательно просмотрев ее, он сказал:

— Молодец, младший лейтенант, хорошие сведения ты доставил нам. Сейчас мне нужно срочно связаться со штабом армии, а вечером я еще зайду, подробнее побеседуем.

Вечером он еще забежал ко мне, задал несколько вопросов, сказал, что сведения очень важные и подоспели во время. Командарм от себя лично наградил меня за них орденом Красного Знамени, который он привезет завтра утром.

Начальник разведки дивизии в первую очередь полученные от меня сведения доложил комдиву полковнику Капрову, а затем поспешил в штаб армии.

Полковник, начальник разведки армии, держа в руках офицерскую книжку унтер-офицера Курта Виммера, как опытный разведчик, понимал, что получил немаловажные и интересные сведения о противнике. Он встал и решительно направился к командующему армией, теперь ему было что доложить: наконец, точно определился рубеж, занимаемый моторизованной дивизией «Великая Германия» и в какой-то степени просматривались замыслы врага.

Едва начальник разведки вошел в кабинет командарма, Трофименко тотчас же оторвался от бумаг и вопросительно посмотрел на полковника. Тот четко доложил:

— Товарищ командующий, получены сведения о противнике, и можно сказать, о его замыслах. В дивизии полковника Капрора провели разведку боем в районе предполагаемого наступления на Ахтырку. Засечены основные точки противника в месте прорыва дивизии, а теперь получены и дополнительные сведения о части, занимающей там оборону. К сожалению, рота, проводившая разведку была полностью уничтожена, но сегодня раненый командир подошел добрался до своих и сообщил, что бой они вели с подразделением гренадерского полка моторизованной дивизии «Великая Германия», которая по прибытии в Ахтырку сразу же была выведена на боевые позиции.

— А какие подтверждения имеются сказанному вами?

Начальник разведки протянул книжку унтер-офицера, Трофименко полистал ее, немецкие слова были знакомы. Сомнений больше не было. Да, против него выдвигалась сильная

дивизия, а там за ней могли еще быть и старые знакомые 11-я и 19-я танковые дивизии.

— Вы, что-то сказали о намерениях?

— Товарищ командующий, если выдвигается такая дивизия, как «Великая Германия» и при этом принимаются меры полной секретности, то следует со дня на день ждать контрудара.

Да, вы, пожалуй, правы. Надо срочно принимать меры. Выложите ко мне начальника штаба, — обратился он к дежурному офицеру.

Трофименко сел за стол и потянулся к телефону.

Мим удалось переговорить с младшим лейтенантом, доставившим сведения и офицерскую книжку унтер-офицера в их подтверждение?

Нет, с ним разговаривал начальник разведки дивизии, он и привез офицерскую книжку.

Передайте ему орден Красного Знамени и подготовьте представление на награждение.

Но у начальника разведки армии под рукой не было данных о младшем лейтенанте, и он перепоручил все это сделать начальнику разведки дивизии.

Вошел начальник штаба армии генерал Лукьянченко, вопросительно посмотрел на говорящего по телефону Трофименко и присел за стол, ожидая разъяснений столь неожиданно вызову. Закончив говорить по телефону и опустив трубку на рычаги аппарата, командующий сказал:

— Есть интересные новые разведанные, полученные в результате разведки боем в дивизии полковника Капрова. Они подтверждают наши предположения, что на направлении главного удара армии на Ахтырку выдвинута моторизованная дивизия «Великая Германия» — сильный противник, — при этих словах он протянул Лукьянченко офицерскую книжку унтер-офицера и продолжил, — в связи с создавшейся обстановкой необходимо провести некоторые изменения в дальнейших наших планах на штурм Ахтырки.

— Придется дивизию полковника Капрова переориентировать с наступления на оборону, подтянуть резервы и только тогда думать о штурме города, — предложил Лукьянченко.

Согласен, причем сделать это нужно немедленно, то же самое прикажите и 166-й дивизии. По всей видимости, основ-

ной удар они нанесут в стык этих дивизий и мощным ударом превосходящих сил сомнут их и, прорвав оборону, выйдут в наши тылы.

Трофименко, немного подумав, добавил:

— Действуйте и посмотрите, нельзя ли еще принять какие-либо меры, а я свяжусь с командующим фронтом насчет резервов, в связи с изменившейся обстановкой...

ФРОНТОВЫЕ ПРОБОИНЫ

Ордена я так и не дождался. На следующий день, рано утром, по холодку, нас, троих раненых, погрузили на полуполторку, подпрыгившую на бесчисленных колдобинах проселочной дороги, повезли на станцию Пролетарская, где размещался эвакуационный пункт армейского госпиталя.

В утренних лучах ласкового, не набравшего силу, солнца, ходко бежала по бескрайним пшеничным и подсолнечным полям наша машина, в кузове которой дремали на соломе трое тяжелораненых воинов 155-й дивизии.

Но мне не спалось. Проехали Красную Яругу, и снова та же дорога, по которой я еще недавно, совершенно здоровый, шел в сторону Грайворона, а теперь тяжелораненым везут меня в госпиталь. Такова судьба солдата.

В Пролетарской машина остановилась около длинного наката на железнодорожной станции, в которой размещался пересыльный пункт армейского госпиталя.

Возле машины слышны громкие голоса встречающих

— Кто сопровождающий?

— У меня бумаги, — хлопнул дверцей шофер.

— Лежачие есть?

— Трое в кузове.

— Санитаров сюда. Выгружайте. Где сестры?

— Здесь, товарищ капитан.

— Займитесь ранеными

В помещении приемосортировки тесно: санитарки, медсестры, раненые. Прибывающих раненых нужно было принять, разгрузить, оформить документы, наложить повязки, накормить, рассортировать. Сестры не сидели, сложив руки: подбинтовывали раны, делали уколы, отпирывали и перевязывали.

Санитары затащили меня на чердак наката, на полу ко-

торого по всей его длине на соломе вплотную лежали тяжелораненные, а в середине оставлен был проход. После уличного свежего воздуха и после побануло запахом крови и гнили. От нагретой на солнце железной крыши на расprostертые тела раненых шли потоки тепла.

Они с трудом нашли для меня свободное место, втиснув между двумя лежащими телами. Лежать я мог только в одном положении — лицом вниз на животе. Раны на спине и боках не позволяли изменить положение. В таком виде просуществовал полгода, пока не зажила рана в правом плече, которая неоднократно после закрытия снова открывалась.

С соседом, лежащим справа от меня, старшим сержантом, мы быстро познакомились. Поделились впечатлениями о своих ранениях и дальнейшей перспективе перебраться с чердака вниз, где мало-мальски были приемлемые условия, а затем эвакуироваться в тыловой госпиталь.

Он уже лежал здесь несколько дней и познакомил меня с распорядком дня и условиями существования. Никакого лечения и перевязок лежащим на чердаке не полагалось. Обслуживали раненых санитары, которые приносили в положенное время еду и воду и по требованию посуду для справления нужды. Поэтому воздух в помещении был густым и спертым. Немцы регулярно бомбили станцию, уходящие эшелоны с ранеными. При бомбежках ходячие прятались в укрытиях, а лежащие ждали своей участи, надеясь только на милость Божью.

Картина, обрисованная мне старшим сержантом, оказалась неутешительной. Следовательно, нужно было побыстрее спускаться и эвакуироваться. Но здесь-то передо мной неожиданно встали большие трудности.

После знакомства старший сержант достал пачку трофейного хлеба из вещмешка, сорвал обертку, на оранжевом поле которой распластал крылья орел, зажавший в когтях свастику. «Тысяча девятьсот тридцать шестой год», — прочитал я на обертке.

— Вот когда немец пек...

— Не может быть?! За семь лет буханка так зачерствеет — топором не разрубишь!

Сосед усмехнулся.

— Вот до чего ушлый немец додумался! На, вот, попробуй.

Он отрезал кусочек от пыльного кирпичика и протянул мне. Хлеб, на самом деле, оказался вполне съедобным, и непохоже было, что пекли его несколько лет назад.

Однообразно потекли дни в сортировке. Поток раненых усилился, прекратились перемещения вниз, перевязки не делались, нас только кормили, нарушился установленный порядок. От вновь прибывающих узнавали фронтовые новости шли сильные бои под Ахтыркой, и поток раненых усилился.

Медсестры и санитары делали все возможное, работали, не покладая рук. Но все их старания не могли полностью обеспечить нормальные условия работы эвакуациониста, в связи с большими нагрузками. Тяжелораненные, размещенные на чердаке, в духоте, без перевязок залеживались, у них появились черви на ранах, шевелясь под повязками, они вызвали неприятные ощущения — желание чесаться.

Только потом, я узнал, что черви оказались прекрасными санитарями, обрабатывающими раны от гнилостных бактерий и, возможно, в той обстановке помогли избежать заражения и спасли многим жизнь.

Дней через десять поток раненых спал, эвакуационист заработал в нормальном режиме, и меня перевели вниз, где помывали, перевязали и уложили в постель с чистыми простынями на лежаки, сколоченные из досок. После долгих маршей и бессонных ночей в окопах, я испытывал особое блаженство, лежа на простынях и укрываясь одеялом, а не привычной шинелью.

Окружающие люди в белых халатах казались добрыми и внимательными. Они давали лекарства, делали перевязки, мерили температуру, которую записывали на карточки, сидящие на койках раненых больных — так здесь теперь называли, независимо от званий и должностей.

Эвакопункт жил своей обычной жизнью переставленного пункта. Каждый день в тыловые госпитали шли эшелоны с ранеными, на их место поступали новые — конвейер войны не переставал калечить людей.

Внимание всех привлекала старшая медсестра лет девятнадцати, приятной внешности, стройная, как березка. Она подсаживалась то к одному, то к другому раненому и участливым голосом облегчала боль. Ее сияющее лицо украшали большие карие глаза, немного застенчивые, но искренне и доброжелательные. От прикосновения ее руки боль сразу утихала, становилось легче на сердце, которое почему-то ускоряло ритм.

Однажды после перевязки она задержалась около меня дольше обычного.

— Володя, тебе надо поспешить с операцией, иначе будет поздно, — присел на край топчана, ласково сказала Зина.

— Почему меня не эвакуируют так долго? — спросил я ее.

Она посмотрела на меня сочувствующим взглядом, видно раздумывая, говорить ли правду, затем все же сказала:

Не транспортабельный ты, и начальники эшелонов таких стараются не брать, боятся, не довезут до места.

А как они определяют, можно меня брать или нельзя?

Воп по той картонке, что висит у тебя на кровати. Смотрят температуру и решают, стоит ли тебя брать, а потом просят прочитать историю болезни. Температура же у тебя все время держится высокая.

Ничего, организм у меня крепкий, лишь бы взяли, доеду.

Температура у меня действительно была высокая — время шло, а она все время «крутилась» около отметки «39». Я сильно ослабел. Курс стрептоцидного лечения успеха не имел. Нужно было оперативное вмешательство, которого я побаивался, но после слов Зины понял, что без него не обойтись. Для этого нужно было побыстрее отсюда убраться.

Время шло, и наступил перелом: столбик в градуснике стал ползти вниз и дошел до «37,7». А сделал я все это просто, без стрептоцида и других лекарств. Выждав время, когда температура достигала нужной отметки, вынимал градусник из-подмышки и показывал медсестре. Зина, делая вид, что не догадывается, каким образом я стал выздоравливать, записывала температуру на карточку.

Через неделю медсестра стала готовить меня к эвакуации. Тепло попрощавшись с Зиной, поддержавшей меня в трудную минуту, вскоре я уже лежал на полу теплушки, слушая перестук колес поезда, везущего меня в госпиталь. По дороге немецкий самолет все же ухитрился обстрелять наш санитарный эшелон, но в вагоне потерь не было, прибавилось только еще несколько новых дырок от пуль в стенках вагона.

В Воронеже, куда прибыл наш эшелон, меня отвезли в госпиталь, размещавшийся в бывшей центральной больнице города. Там поместили в большую палату и уложили на настоящую теперь кровать с матрасом. От соседа, раненого в бедро, узнал некоторые сведения о госпитале, врачах, медсестрах.

Утром следующего дня в палату вошла группа медперсонала во главе с главным хирургом госпиталя и всех госпиталей Воронежа, доктором медицинских наук, профессором, полковником Русановым Андреем Васильевичем. В дополнение к сказанному следует еще добавить, что был он также Героем Социалистического труда и депутатом Верховного Совета СССР, заслуженным человеком и прекрасным хирургом, получившим хорошую врачебную практику еще в первую империалистическую войну.

Все эти сведения о нем я получил в первый же день своего пребывания в госпитале от раненых, среди которых профессор Русанов пользовался авторитетом. О нем ходила молва, что он человек с добрым сердцем и золотыми руками.

Внимательно осмотрев мою рану и задав несколько вопросов: «чем и где ранило», — он приказал:

— Немедленно на операционный стол, завтра же с утра! Оперировать буду сам.

С подобной раной, сильно запущенной, Русанову приходилось иметь дело не часто. Люди погибали раньше, не дождавись операции. Но полковник все же надеялся на молодого и, по-видимому, крепкий организм младшего лейтенанта, протянувшего с ней уже два месяца.

По коридору мягко шуршала колесиками больничная каталка, на которой двое санитаров везли меня в операционную. То, что я находился далеко от фронта и не слышал свиста пуль и осколков, еще не могло означать полного избавления от опасности, так как многие фронтовики погибали от ран, находясь в глубоком тылу в госпиталях.

Борьба за жизнь продолжалась — все должно было решиться операция, от ее исхода зависело теперь, жить или не жить. Удача пришла неожиданно — в мои руки лучшего хирурга Воронежского фронта, так распорядилась судьба...

В операционной профессор Русанов склонился надо мной, прощупывая пульс, затем проговорил:

— Хорошо, — и повернулся к медсестре: — Готовите, будем начинать.

Сестра сняла наклейку и, отрывая пинцетом марлю, прилипшую к ране, с состраданием следила за мной, это была самая болезненная часть всей процедуры перевязки. Пересиливая сильную боль, я молчал, стиснув зубы, чувствуя как

по лицу катится пот. К операции все уже было подготовлено: холодным блеском отличались никелированные инструменты, резко пахло йодом.

В сложных операциях главному хирургу всегда помогала старшая хирургическая сестра Вера Ткачева, ловкая, собранная и спокойная. Подлежащих операции Вера вводила в наркоз превосходно, у нее было изумительное чувство дозировки, она безопиоидно улавливала момент, когда оперируемый отключается от действительности и теряет болевую чувствительность.

Она аккуратно наложила на мое лицо марлевый тампон с эфиром и предупредила: «Будешь задышаться, не бойся, считай про себя до двадцати». Я вдыхал проклятый дурман, жидким ртом воздух, а его становилось все меньше и меньше... Эфир пробирался в легкие, всасывался в кровь, проникал в мозг. Притупляются чувства, ощущения, гаснут мысли, наступает небытие...

Сильные, натренированные и чуткие руки хирурга, направляемые предельным напряжением нервов, в течение нескольких часов старались спасти мою жизнь. И чуду суждено было сбыться, успех операции приведет к заживлению раны.

Русанов бросил резиновые перчатки в раковину, открыл на несколько оборотов кран и подставил истомленные руки под напор струи. Чувствуя, как разливается усталость по расслабленному телу, Андрей Васильевич испытывал удовлетворение от проведенной операции, она вселяла надежду, что еще одна жизнь человека им спасена...

Сознание возвращалось ко мне медленно. А когда стал приходить в себя и приоткрыл глаза, то увидел свою палату и знакомые стены, за окном виднелись вершины еще зеленых тополей — все было по-старому, только позади осталась операция, которой я так страшился, зная, что будут резать кость. Моя попытка пошевелиться закончилась острой болью в потревоженной ране. После чего я затих, перестав двигаться.

— Как самочувствие, больной? — спросил дежурный врач, совершая обход.

— Нормально, — ответил я, боясь пошевелиться, — если не брать в расчет сильную слабость и боль в ране.

Врач, присев на кровать, поудобнее устроился на ней, взяв мою руку, нащупал пульс. Поднявшись с кровати, сказал:

— Пульс хороший. Назначим вам переливание крови, антибиотиков, и пойдете на поправку, наберетесь сил.

За месяц моего пребывания в Воронеже и мой организм постепенно окреп. Таких, как я, кому требовалось длительное лечение, обычно отправляли в глубокий тыл. Такая же участь ждала и для меня.

И снова санитарный эшелон везет меня в далекую Сибирь. В городе Томске пройдет мой последний отрезок госпитальной жизни. Выпишут меня только летом, в июне по статье: «Негоден к военной службе», инвалидом Отечественной войны.

Пройдет много лет и как-то, находясь в командировке в Воронеже, отправлюсь я на поиски своего госпиталя. Пспрашивая у прохожих, где в старые времена находилась центральная больница города, найду — ее с постаревшими тополями, видимыми мною через окно палаты.

В центре фасада здания бывшего госпиталя, что в переводе с латинского обозначает «гостеприимный», небольшая памятная дощечка с надписью: *«Во время войны здесь работал главный хирург воронежских госпиталей, Герой Социалистического Труда Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, доктор медицинских наук, профессор, полковник Русанов Андрей Васильевич».*

Вспомнились мне далекие дни моей юности и человек в белом халате, смотревший на меня из-под слегка сдвинутых вниз очков добрым взглядом, сказавший коротко и твердо: «Оперировать буду сам!» Профессор, врач-хирург, золотые руки которого спасли мне жизнь...

ПОСЛЕСЛОВИЕ. ЦАМО ПОДТВЕРЖДАЕТ

Прошли многие годы с той военной поры, когда при просмотре в Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО) журналов боевых действий нашего полка и дивизии, мне посчастливилось обнаружить документальные материалы о гибели 6-ой роты, 2-ого батальона, 786-го сп в полном составе при проведении разведки боем в тылу врага под Ахтыркой.

Участие в разведке боем куда страшнее общего наступления, а разведка боем в тылу врага для определения его огневых точек — редкий случай в военной практике и проводится людьми заранее обреченными на гибель — смертниками.

Редко кому приходилось в жизни держать документ о своей смерти в руках, но мне пришлось, так как в приказе по шта-

бу полка была и моя фамилия.

В скупых и строгих записях журнала боевых действий полка говорилось об удивительной силе духа и большом мужестве разведгруппы в составе шестой роты, которая, вызвав огонь на себя, сражалась в окружении противника до последнего патрона, до последнего вдоха, без какой-либо надежды выжить.

Ценой своих жизней воины роты выполнили приказ командования дивизии, вскрыв огневые точки немцев в месте прорыва дивизии при штурме Ахтырки. При наступлении огневые точки были подавлены авиацией и артиллерией, тем самым обеспечили успех операции дивизии по освобождению города с малыми потерями.

Подтверждением к сказанному служат записи в журнале боевых действий 786-го стрелкового полка (ЦАМО, ф. оп. 91810, д. 1).

13.08 с 4.00 часов ночи противник вел в течение полутора часов интенсивный артиллерийский огонь от кирпичного завода Ахтырки. По данным наблюдателей утром противник по восточной окраине Ахтырки с юга на север перебрасывал на 4 грузовиках и 2 автомашинах пехоту. Кроме этого до роты пехоты колонной передвигалось в том же направлении.

Шестиствольные минометы противника вели интенсивный огонь по высоте 121,7 из-за кирпичного завода.

1-й стр. батальон действовал на фланге 659-го с.п.

2-й стр. батальон ночью выдвинул роту для проведения разведки в направлении севернее озера Кричиново и захвата высоты, находящейся в полосе наступления дивизии.

Рота в ночной темноте скрытно продвигалась к высоте, но на подступах к ней была внезапно обстреляна противником.

Рота атаковала его и после ожесточенного боя захватила рубеж обороны противника. Дополнительно окопавшись, она приготовилась к отражению контратаки. Днем последовало несколько контратак немцев, поддержанных танками.

Разгорелся жестокий бой. Бойцы и командиры роты во время танковой атаки проявили героизм и мужество, отбиваясь от противника гранатами, погибали под гусеницами танков. Но силы были не равными, кончились боеприпасы, все меньше оставалось людей, способных держать оружие в руках, и рота полностью погибла.

В бою подбили и уничтожили 5 танков «тигр» и одну самоходную пушку «фердинанд». Два вражеских танка и одна самоходная пушка отогнали, обстреливая боевые порядки роты.

Потери: убито в полку — 69 человек, из них 62 из 6-й роты, 2-го батальона. Ранено — 40 человек.

Операция носила настолько рискованный характер, что возвращение засланной в тыл немцев разведгруппы командованием армии и дивизии даже не предусматривалось. Разведчики заранее были обречены на гибель, в силу характера, выполняемого задания, они были «смертниками», идущими на подвиг.

В задачу разведгруппы входила и вторая часть задания: «Установить наименование части, занимающей оборону в месте прорыва 155-й с.п.». Вопрос же передачи этих сведений не был решен, и предусматривалось его решить — «по возможности».

Чудом оставшись в живых, тяжело раненый, я двое суток по территории врага ночами добирался до своих и успел вовремя, 15 августа утром (на этот день было назначено наше наступление), сообщить командованию дивизии, что на ее пути стоит элитная моторизованная дивизия «Великая Германия», готовая к контр наступлению.

Разведданные настолько были важны, что изменили планы армии, и командарм приказал стрелковым дивизиям перейти к обороне, что и спасло их от разгрома при контрударе немцев, последовавшем через два дня.

В то время, в короткие передышки перед очередной атакой фашистов, солдат одолевали думы: «Никто никогда не узнает о том, как проходил бой».

Лежат солдаты в земле и верят, что настанет время и кто-то расскажет людям об их героической смерти в далеких от дома краях. Тогда они не знали, что выполнение ротой той боевой сверхзадачи, связанной с их жизнью, даст возможность значительно уменьшить людские потери, будет способствовать успеху операции, проводимой дивизией при штурме города, и приблизит день окончания Курской битвы, так как ее последним днем будет освобождение Ахтырки Воронежским фронтом.

Только живой человек, участник событий, мог рассказать, как шли в атаку под градом пуль, как на последних сил держали оборону, отражали во много раз превосходящие силы противника, гранатами подбивали танки и, когда кончились патроны, в рукопашной схватке отдали свои жизни за Родину.

Волею судьбы я остался в живых, мне и предназначено было рассказать в своем повествовании о последнем бое, последних минутах жизни бойцов и командиров шестой роты, ставшей бессмертной.

В подтверждение сказанному приводятся документальные материалы ЦАМО на журнала боевых действий полка и приказ № 222 штаба 786 го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии с поименным перечислением всех воинов роты. Под номером 50 значится в нем и моя фамилия.

Однако подвиг шестой роты своевременно по заслугам не был отмечен Правительственными наградами, в том числе и званием Героев. Помешали этому Днепровские события, совпавшие по времени и щедро отмеченные наградами (пять воинов дивизии стали Героями Советского Союза).

Потомкам следует отдать должное памяти тех, кто на смерть дрался с врагом, грудью защищая жизнь товарищей по оружию.

Самопожертвование такого рода во все времена, у всех народов считалось высшим подвигом.

Да, подвиг бессмертен. Его бессмертие — в живой памяти людей. Без нее герои умирают...

В Ахтырке на воинском кладбище горит вечный огонь и в их честь, и на гранитной стелле высечены слова:

*Вечная слава героям,
Павшим за Родину-мать.
Знамя Отчизны святое
Будет их сон охранять.*

Здесь, вблизи от воинского кладбища, погибла шестая рота, здесь находятся и их безымянные могилы...

Документ войны. ЦАМО, ф. 786, оп. 61290, д. 1

ПРИКАЗ

786 стрелковому полку 155-й стрелковой дивизии

15 августа 1943 года № 222
Действующая армия

§ 4

Исключить из списков л/состава 2 с.б. среднего, младшего и рядового составов, погибших в боях с немецкими захватчиками

1. Серж. Калинина В.М.
2. Л-та Мисика С.И.
3. Ст. серж. Суханова В.Л.
4. К-ца Микрюкова П.А.
5. К-ца Тихоненко К.П.
6. Мл. л-та Черноусова И.Я.
7. Серж. Черепанова М.Я.
8. К-ца Адрахманова Ф.
9. Серж. Козлова А.С.
10. Ефр. Симонова С.С.
11. К-ца Садеева Д.
12. К-ца Шакирова З.
13. К-ца Смыслова Н.Ф.
14. К-ца Алимбаева Д.
15. К-ца Савельева В.А.
16. К-ца Двиняникова И.М.
17. Мл.серж. Кочеткова Г.М.
18. К-ца Лозбинева И.Г.
19. К-ца Федорова С.М.
20. К-ца Гибадулина М.
21. К-ца Сартова К.Г.
22. К-ца Анфимова И.И.
23. К-ца Арашева Н.
24. К-ца Чикина В.И.
25. К-ца Залиева М.
26. К-ца Зинченко И.И.
27. Серж. Набиева У.
28. К-ца Смирнова С.М.

29. К-ца Удашева П.В.
30. Серж. Рудник П.Я.
31. К-ца Зубкова С.П.
32. К-ца Фоминых И.Т.
33. К-ца Долгих А.С.
34. К-ца Кузнецова П.С.
35. К-ца Шведова Я.И.
36. К-ца Тишупова И.В.
37. К-ца Фазлиева А.
38. К-ца Валиева Х.
39. К-ца Гальмутдинова Г.
40. К-ца Зыкова К.В.
41. К-ца Фомина Н.Ф.
42. К-ца Пивоварова Н.М.
43. К-ца Малышева И.Ф.
44. К-ца Бурмахова И.И.
45. К-ца Юлдашева З.
46. К-ца Гришанкина И.Н.
47. К-ца Пушкарева Г.С.
48. К-ца Расулова А.М.
49. К-ца Шакитьянова А.М.
50. Мл. л-та Попова В.А.
51. К-ца Хайдюева М.
52. К-ца Кузьмина В.М.
53. К-ца Самсонова Н.С.
54. К-ца Белоусова А.А.
55. К-ца Джураева Ш.
56. К-ца Пулатова Р.
57. К-ца Курбатова Д.
58. Мл. серж. Алимайкина С.И.
59. К-ца Химзина М.
60. К-ца Шерменбатова К.
61. К-ца Коновалова И.Е.
62. Мл. серж. Салиева А.Ф.

Снять со всех видов довольствия. Основание: рапорт командиров.

Командир полка
подполковник (Казарин)

Начальник штаба
подполковник (Арцибашев)

Примечание: Собрать убитых 6-й роты с поля боя в связи со сложной обстановкой не удалось.